

Обсерватория СОЛА

Моему менее активному участию в жизни СОЛА был ряд причин. Я уже говорил о свободомыслии СОЛАвцев. Нам повезло, что в сталинские времена мы были молоды и не успели попасть в поле зрения “всевидящего ока”. При Н. С. Хрущёве, наступили времена, когда свободомыслие перестало быть “большим грехом”. Попытка же правителей повернуть историю вспять пришлось на время, когда мы уже были взрослыми людьми, имея обширный круг друзей и вне СОЛА.

А в те же годы появилась и стала популярной точка зрения, что беда, мол, не в самой идее, а в исполнителях. Возникла мечта о социализме с “человеческим лицом”. После армии, уже работая, я увидел и экономические промахи. Но ещё рассматривал экономику и политику порознь (котлеты отдельно, мухи отдельно). Прозрение пришло быстро, как только сумел взглянуть на всё это с точки зрения кибернетики, и понял, что обречена сама система. На эти темы я много беседовал с Кронидом в его, последние перед посадкой, приезды в Симферополь в 70-м и 71-м годах. И в этом наши взгляды тоже совпали.

Мы росли в войну и были прагматиками. Иначе было не выжить, и, тем не менее, бросились в науку столь далёкую от повседневности. Редко кто шёл на такое в то время. (Никто ещё не предполагал тогда в сороковых, что уже при нашем поколении начнётся освоение космоса). Нужно было быть в какой-то, но в очень небольшой мере, чудачком, слегка не от мира сего. Таким был и В.В., и такими же были мы.

Мы можем сказать: «Мы — СОЛАвцы, других таких нет». СОЛА — уникально. Об уникальности СОЛА и Василия Васильевича Мартыненко говорит и такой факт. Проститься с ним пришло человек 200–250. Из них не более 5% сослуживцев. Остальные — те, кто когда-либо был СОЛАвцем. Да и среди пришедших сослуживцев таких было тоже более половины. Дай Бог другому учителю, руководителю кружка, чтобы на прощание с ним учеников пришло больше, чем сослуживцев, вынужденных прийти из вежливости! *Так провозжают только тех людей, которых искренне уважают и любят.*

Что ждёт СОЛА? Сейчас тоже, как и в послевоенные годы, обществом движет прагматизм, хотя и иного толка, чем в наше время. Но и сейчас, как и тогда, находятся люди, которых интересует астрономия. Поэтому думается, что такие люди будут появляться всегда, и СОЛА сохранится.

Но это будет уже совсем другая история...

Об авторе:

Евгений Николаевич Фёдоров родился 9 ноября 1933 года в г. Севастополе. Умер 5 июля 2019 года в г. Симферополь, где и похоронен. Автор книги: «Беседы о современном естествознании и антропном принципе». — Москва : Соновый бор, 2008. — 416 с.; нескольких эссе о СОЛА (Симферопольское общество любителей астрономии), о времени и своих современниках.

Военная история

В. С. Кропотков

Крымская эпопея махновцев

Движение, истоки которого уходили в глубинные стихийные процессы протестного характера, всколыхнувшие крестьянские массы, формировалось под воздействием анархических идей, носителями которых (с большей или меньшей убежденностью) были, прежде всего, его вожди, и, конечно же, сам Нестор Иванович Махно. Его неудача была predetermined и утопичностью самих идей анархизма, и тем, что в условиях формирующегося нового государства, строящегося на основах коммунистической идеологии, утверждающей диктатуру пролетариата, исключались любые проявления народной стихии (как негативного, так и позитивного характера).

1. Старобельское соглашение

В октябре-ноябре 1920 года войска Н. Махно в третий раз за время Гражданской войны становятся союзниками большевиков и участвуют в боях против Русской армии П. Врангеля. 2 октября 1920 г. в Старобельске подписывается «Военно-политическое соглашение между правительством УССР и армией Махно», по политическому и военному вопросам. Первый — по поручению Советского правительства Украины Я. Яковлев¹, второй — командующим и членами Реввоенсовета Южфронта М. Фрунзе, Бела Куном, С. Гусевым. Со стороны махновцев оба раздела подписывают Уполномоченные Совета и коман-

дования Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев) Д. Попов² и В. Куриленко³.

Спустя две недели, «Соглашение» было ратифицировано президиумом ЦИК Украинской Советской Республики. В настоящее время трудно установить, какая сторона стала инициатором союза большевиков и махновцев. Так, согласно «версии Махно, переговоры начались 28 сентября по инициативе председателя Совнаркома УССР Раковского» [1, с. 136]. Происходило ли это на самом деле — неважно. Очевидно, что обе стороны были заинтересованы в заключении союза, хотя и понимали, что он — временный, но обстоятельства вынуждали идти на компромисс.

¹ Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938) в январе-ноябре 1920 г. председатель Харьковского губкома КП (б) Украины.

² Попов Дмитрий Иванович (1892–1921). С 1917 г. член партии левых эсеров, активный участник левозероцкого мятежа в июле 1918 г. После подавления мятежа приговорен (заочно) трибуналом при ВЦИК к расстрелу. В 1919 г. сформировал партизанский отряд, впоследствии примкнувший с ним во главе к махновцам. В дальнейшем командовал различными соединениями махновской армии. С мая 1920 г. — член Совета революционных повстанцев Украины. Арестован чекистами 26 ноября 1920 в Харькове. После ареста направлен в Москву, где был расстрелян по приговору ВЧК в мае 1921 года.

³ Куриленко Василий Васильевич (1891–1921). С 1910 г. — член партии анархо-коммунистов. С мая 1920 г. по июль 1921 г. — начальник административно-организационного отдела Совета Революционных повстанцев Украины (махновцев). Убит в бою с красной конницей близ Лозовой в июне 1921 г.

Немало имелось и противников Старобельского соглашения в конфедерации «Набат»⁴, но все же оно было поддержано:

«В средних числах октября между революционными повстанцами-махновцами и Советской властью состоялось соглашение, в силу которого все анархисты на территории Советской республики подлежат освобождению, а анархистским организациям предоставляется право свободной пропаганды, печатной и устной. Секретариат «Набата» решил принять легальное положение условно, до созыва съезда...» [32, с. 38].

В то же время немалая часть махновских соединений соглашение не приняла и покинула Повстанческую армию. Ее начальник штаба В. Белаш⁵ «...указывал цифры до 8 тыс. человек, что для армейского кулака в 20 тыс. весьма ощутимо» [1, с. 142]. Учитывая угрозу разрастания раскола анархистского движения, что не исключало возможности распада Повстанческой армии, пытаюсь объяснить крестьянским массам, поддерживающим махновцев, причины, вынудившие последних пойти на договор с Советским Правительством, Военный Совет Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев) 10 октября 1920 г. опубликовал обращение «Ответ всему трудовому народу Украины»: «Что побудило нас совместно с Красной армией пойти плечо с плечом на общего врага — барона Врангеля? Революционные повстанцы были и будут непримиримыми врагами Советской власти... Мы боролись с комиссародержавцами, бюрократизмом, спецами и с их всяким произволом и насилием над трудовым народом. Мы не признавали и не намерены признавать бюрократических Советов, которые являются бременем и тяжестью для трудового народа. Нас, революционных повстанцев, Советская власть дважды объявляла вне закона и жестоко преследовала...» [37, с. 494].

Далее в обращении указывается, что пойти на соглашение с большевиками махновцев вынуди-

Махновская конница. Художник Тарас Штык

ла «угроза подавления свобод трудового народа со стороны Врангеля». Из его текста следует, что в создавшейся ситуации «Совет» телеграфно обратился к «Советской власти с требованием нижеследующего (последнее косвенно указывает, что инициатива Старобельского соглашения исходила от махновцев. — В.К.):

1. Предоставление нам участка фронта против Врангеля.
2. Немедленного освобождения всех арестованных махновцев и анархистов.
3. Созыва Всероссийского съезда крестьян и рабочих, на котором сами труженики смогут найти общий трудовой язык на основе общих трудовых интересов» [там же, с. 495].

Обращение должно было способствовать мобилизации имеющихся в распоряжении Н. Махно людских ресурсов на борьбу с Врангелем, формированию новых боевых частей Повстанческой армии. В дальнейшем предполагалось, что возросшая боеспособность махновских соединений и их успешные боевые действия на фронте с врангелевцами вынудят большевиков признать относительную независимость Гуляйпольского района. Так, в 4-м пункте Старобельского соглашения (в разделе по политическим вопро-

сам) предусматривалась организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономная и федеративная связь с государственными органами Советской Республики. [38, с. 176]. Однако этот пункт, несмотря на обещания большевиков, в окончательный текст Старобельского соглашения не включен. При этом, даже принятое вызывало в руководстве партии и Красной Армии большое сомнение в выполнении Н. Махно принятых обязательств. О степени недоверия к махновцам красноречиво свидетельствует обмен телеграммами между Председателем Реввоенсовета Л. Троцким и командующим Южным фронтом М. Фрунзе:

«Телеграмма Л. Д. Троцкого командующему войсками Южного фронта М. В. Фрунзе о военных гарантиях соглашения с Махно:

«№ 899 1 октября 1920 г.

Прошу сообщить гарантии того, что соглашение с Махно не обратится против нас. Можно подозревать, что после того, как Махно попал на Дон в неблагоприятные условия, он стремился получить от нас снабжение и свободный пропуск к Врангелю, после чего обратится против нас. Необходимы серьезные гарантии чисто военного характера. Прошу о принятых мерах сообщить. Троцкий. [37, с. 483].

В ответной телеграмме М. Фрунзе сообщал: «№ 18, Москва 5 октября 1920 г.

Предреввоенсоветсп. тов. Троцкому.

Политически за соглашение с Махно ответственность лежит на украинской Цека партии и Совнарком. Я лично, будучи очень мало осведомлен о Махновщине, в этом играл пассивную роль. С военной же точки зрения, при величайшей слабости нашего тыла, Махно, даже при условии, что он потом обратится против нас, является плюсом. Решающих гарантий у нас нет. Наблюдение, понятно, производится, а затем к нам должны прибыть трое наиболее видные сотрудники Махно.

Командую фронтон Фрунзе» [там же, с. 492–493]

В телеграмме М. Фрунзе очень точно вскрывается главная причина, по которой большевики пошли на временный союз с Н. Махно (в том, что

он временный ни у кого из советского руководства сомнений не было) — обеспечение устойчивого положения в тылу в период проведения военных операций против Врангеля.

Командование Русской армии также пыталось привлечь на свою сторону махновцев, но безрезультатно. С учетом того, что Н. Махно уже был союзником красных в 1919 году, но в том же году признавался советской властью изменником и объявлялся вне закона, в лагере белых не верили в заключении нового союза.

Весьма показательна в этом отношении шифрованная телеграмма Е. Саблина⁶ А. Нератову⁷:

«Лондон. 16 октября 1920 г. № 557.

Прошу передать в Севастополь.

[Шифр]. Здешней печатью распространяются слухи, будто бы Махно перешел со всеми своими силами на сторону большевиков. Прошу разъяснения относительно истинного положения вещей, дабы я мог энергично опровергнуть помянутые слухи в случае их полной необоснованности. Саблин». [15, с. 26].

Спустя два дня после полученной в Константинополе шифровки Е. Саблина, в белом лагере уже не оставалось никаких сомнений относительно позиции Н. Махно, т.к. 18 октября махновская армия выступила на фронт против Врангеля, заняв участок между 13-й и 14-й армиями красных. По сведениям начштаба Повстанческой армии В. Белаша, она состояла из трех оперативных и одной резервной группы общей численностью около 14,5 тыс. бойцов, в т.ч. до 3,5 тыс. сабель и 11 тыс. штыков. Армия имела на вооружении до 900 пулеметов, установленных в основном на тачанках, большая часть которых находилась в пулеметном полку Кожина⁸ [6, с. 511].

II. Махновская армия

Численность крестьянской армии Н. Махно на протяжении Гражданской войны постоянно менялась, возрастая в дни подъема махновского движения и сокращаясь в периоды кризисов. Ранее приводимые цифры о ее количественном составе в середине октября 1920 г., сообщенные В. Белашом, вполне достоверны. Он же сообщал о «20 тыс. штыков и 8 тыс. сабель», имевшихся в распоряжении у Н. Махно в январе 1919

⁶ Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) — дипломат, российский политический деятель. С 1914 г. сотрудник русского посольства в Лондоне. С декабря 1915 г. — первый секретарь посольства. В 1919–1924 гг. представлял Россию в Англии.

⁷ Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938). Русский дипломат, член Государственного совета. С апреля 1920 г. приказом главнокомандующего Русской армии П. Врангеля назначен главой российской дипломатической миссии в Константинополе.

⁸ Кожин Фома (?–1921?). Из крестьян. Беспартийный. Командир пулеметного полка в армии махновцев, а затем командир особой группы войск. В ноябре 1920 г. — командир пулеметного полка в составе Крымской группы войск повстанцев. В августе 1921 года в боях с красными тяжело ранен. Дальнейшая судьба не известна.

г. [6, с. 77] и «83 тыс. штыков и 19650 сабель» к концу ноября 1919 г. [там же, с. 382]. Рост численности армии происходил за счет проводимых Махно мобилизаций, перехода в его соединения пленных красноармейцев. По сведениям того же В. Белаша, осенью 1920 г. они составляли до 45% численности Повстанческой армии [там же, с. 491]. Следует отметить, что пленных для пополнения своих частей в годы гражданской войны активно, помимо махновцев, использовали и красные, и белые. И все же основная часть Повстанческой армии — это крестьянские массы (собственно, подавляющая часть пленных красноармейцев также принадлежала к крестьянскому сословию), видевшие в махновском движении альтернативу как советам, так и сражавшимся за идеалы монархической России белым. Не вникая глубоко в суть политических программ противоборствующих сторон, они видели в анархизме Махно черты народного, стихийного начала, обещавшего независимое и благополучное существование крестьянства на основе равенства и справедливости. Этим и объясняется значительный приток добровольцев из крестьян в армию Н. Махно и ее высокая численность, доходившая, как отмечалось выше, до ста и более тысяч человек. Мобилизационный ресурс махновских соединений был весьма значителен. В Екатеринославской, Таврической и Херсонских губерниях, где влияние Н. Махно на крестьянские массы было особенно сильным, проживало более 6 млн. человек, что и обеспечивало приток бойцов в его вооруженные формирования. Проводимая махновцами агитационная работа в селах воспринималась с пониманием, и тысячи крестьян в периоды мобилизаций пополняли ряды Повстанческой армии, при том, что постоянный состав никогда не превышал 5–6 тыс. человек. «Наше ядро (5000 старых повстанцев, объединившихся вокруг наших анархистских групп с 1918 года) за 1920 год обрастало всевозможными антибольшевистскими элементами, поддерживаемое кулаками, середняками (города и деревни) и даже пролетариями...» [6, с. 491] вспоминал В. Белаш. Вообще механизм пополнения вооруженных сил махновских повстанцев, их взаимоотношения с населением подконтрольных регионов во многом напоминают сложившееся веками ранее в период Запорожской Сечи. Д. Яворницкий, крупнейший историк запорожского казачества описывает

процесс мобилизации у казаков следующим образом: «Задумав поход против неприятеля — турок, татар или поляков — запорожские казаки, прежде всего, условно палили в Сечи из самых больших пушек, затем посылали «круговую повестку» казакам-зимовчанам, жившим в степи по хуторам, слободам и бурдюгам. По такому зову спешили, точно пчелы к своим ульям, казаки отовсюду к сборному пункту, кто пеший, кто верхом, но всякий с оружием и продовольственными запасами». [45, с. 384].

Казаки-зимовчане — это мобилизационный ресурс запорожцев, используемый при масштабных походах, и они же в мирное время обеспечивали продовольствием казаков, проживавших в Сечи. В годы гражданской войны редкое из сельских хозяйств южнорусских степей не имело оружия и их жители стали походить на казаков-зимовчан, и они же, сельчане, обеспечивали продовольствием махновскую армию, в боевые части Н. Махно приходили со своим оружием. Пешие направлялись в пехоту, а прибывшие верхом — в кавалерию. Таким образом, по существу, армия Н. Махно — народное ополчение. Уровень военной подготовки бойцов этой армии был довольно неоднородным. В ее состав входили и те, кто имел опыт участия в боях на фронтах Первой Мировой или приобрел его уже в период Гражданской войны, и те, кто впервые брал в руки оружие, вступая в ряды соединений Повстанческой армии. Боевой дух этих соединений значительно падал по мере переноса фронтовых действий на отдаленные территории от мест проживания, что характерно практически для всех вооруженных формирований в годы революционных войн, основой которых являлось народное ополчение.

Армия Н. Махно на протяжении всего периода Гражданской войны периодически терпела поражения, но ею было одержано и немало побед в боях с петлюровцами, соединениями красной и белой армий. Успехи повстанцев, не в последнюю очередь, связаны с несомненным военным талантом Махно, личностью во многом противоречивой (если не сказать большего), но обладавшей харизматичностью и при всех недостатках соответствовавшей образу народного вождя в понимании широких слоев крестьянского населения. Отсюда и широкая поддержка его движения в сельских местностях трех южнорусских губерний, подавляющая часть жителей которых, мягко говоря, была слабо знакома с основными поло-

жениями политической программы анархо-коммунистов. И вполне закономерно, что идущее из глубин народного сознания прозвище «батько», возникнув стихийно, прочно закрепилось и навсегда связалось с именем Н. Махно⁹. Творимые на подконтрольных махновцам территориях жестокости, расправы с политическими противниками, а, порой, и с людьми не являющимися таковыми, грабежи гражданского населения (преимущественно в городах), убийства, иногда принимавшие массовый характер по социальному или национальному признакам, действительно имели место, но все перечисленное было присуще в большей или меньшей степени всем противоборствующим сторонам в годы Гражданской войны. Насколько махновцы преуспели больше в жестокостях и беззакониях по сравнению с остальными, сказать трудно (если махновцы и превосходили своих противников в беспощадности расправ, творимых бесчинствах, грабежах и пр., то вряд ли это различие было существенно заметным). Красная пропаганда в стремлении дискредитировать Н. Махно и его приверженцев, создавала образы лишенных какого-либо человеческого начала бандитов (иначе, как бандитами махновцы на страницах советской печати и в большинстве официальных документов и не назывались). Сам Н. Махно представлялся человеком с патологической жестокостью и обширным набором всевозможных пороков. Далеко не самых лестных слов удостоивалась, разумеется, и махновская армия. Как пример, одна из многочисленных ее оценок, данная советским историком и экономистом М. Кубаниным: «...в 1920 и 1921 годах водка, сифилис, разгул и бандитизм доконали махновскую армию». [30, с.191]. Остается только непонятным, как при всех этих бедах раздробленная махновская армия в 1921 году в течение более 7 месяцев активно сражалась с многократно превосходящими ее регулярными частями Красной Армии, периодически нанося противнику ощутимый урон?!

«И вот в эту минуту один из партизан отряда, Щусь, обратившись к Махно, сказал:

— «Отныне ты над нами всеми будь батькой, а мы клянемся умереть с тобою в рядах повстанчества».

Здесь же весь отряд клятвенно постановил никогда не покидать рядов повстанчества, а Махно счи-

тать общим батькой всего революционного повстанчества. Затем двинулись в наступление» [5, с. 61].

Н. Махно, несомненно, был далек от образа идеального борца «за свободу и права угнетенных». Однако, некоторые вполне достоверные факты из его биографии ставят под сомнение некоторые черты его личности. Так, не выдерживает никакой критики нередко приписываемый ему антисемитизм. Убежденный интернационалист (как практически все теоретики анархизма и их приверженцы) он был непримиримым противником любых форм национализма (что никак не позволяет современной самостийной Украине включить имя Н. Махно в список национальных героев независимой — уж слишком противоестественным он бы смотрелся в одном ряду с Бандерой, Петлюрой и им подобным) и антисемитизма. Еврейские погромы, чего не избежала махновщина, производились, преимущественно, не основным ядром армии, а соединениями, образованными из вновь призванных по мобилизациям и добровольцев, в свою очередь, состоявших, в основном, из крестьян южноукраинских деревень и сел, где антисемитизм имел глубокие корни еще со времен Богдана Хмельницкого. Не лишним будет вспомнить, что в самом начале махновского движения в составе вооруженных отрядов Н. Махно были также и еврейские формирования [35, с. 198, 206]. И, наконец, сам факт того, что похороны Н. Махно в 1934 г. в Париже на кладбище Пер-ла-Шез организовали и оплатили известные американские анархисты еврейского происхождения — Александр Беркман и Эмма Голдман, — сам по себе говорит об отношении Нестора Ивановича к евреям.

Тактические приемы, использовавшиеся махновскими соединениями, характерны для ведения партизанской войны. Поддерживаемые широкими слоями крестьянства, махновцы легко растворялись по деревням и селам в периоды поражений, и в кратчайшие сроки вновь организовывались в боевые сотни и полки повстанцев при очередной мобилизации.

Примечательно, что среди командиров Повстанческой армии практически не было профессиональных военных — кадровых офицеров. Командовали, и зачастую с успехом, выдвинувшиеся из народных низов талантливые самородки.

⁹ Очевидец событий гражданской войны на Украине, известный анархист П. Аршинов считает, что родилось это прозвище 30 сентября 1918 г. перед штурмом немногочисленным отрядом Н. Махно деревни Б. Михайловка, занятой австро-германцами и поддерживающим их добровольческим помещичье-кулацким отрядом.

Представители командного состава армии Н. Махно. 1919 г.

Среди наиболее известных: Ф. Кожин, С. Каретник¹⁰, Вильгельм¹¹, А. Марченко¹², Ф. Щусь¹³, В. Куриленко и др.

Непримиримая вражда, порождая крайние формы насилия по отношению к противнику, что характерно для гражданских войн, выдвигала в их эпохи на первый план личности, обладавшие, наряду с военными талантами и непреклонной волей, крутым нравом, жестокостью и беспощадностью. Всем этим в полной мере были наделены и махновские командиры, и в наибольшей степени — С. Каретник и Ф. Щусь.

Для Повстанческой армии характерна высокая мобильность, что предопределяло особенности ее тактических приемов. Основная ударная сила — кавалерия, совершавшая стремительные переходы в десятки, а порою сотни километров.

¹⁰ Каретник (Каретников) Семен Никитович (1893–1920). Один из наиболее известных командиров Повстанческой армии. Его имя упомянуто в числе ближайших сподвижников и друзей, кому Н. Махно посвятил свои воспоминания. Родился в батрацкой семье в с.Шагерово Гуляйпольской волости. Командир штабного батальона и гуляйпольского отряда (1918); начальник гарнизона г.Бердянска (март-июнь 1919 г.), командир особой Крымской группы войск Повстанческой армии (октябрь-ноябрь 1920 г.). 24.11.1920 г. вызван в штаб М. Фрунзе и 28.11. того же года расстрелян в Мелитополе.

¹¹ Вильгельм (?-1920). Из крестьян Екатеринославской губ В 1918 г. организатор партизанского отряда. С конца 1918 г. отряд входит в состав армии Н. Махно. Командир бригады. В 1920 г. командир кавполка в составе Крымской группы войск. 26.11.1920 г. арестован чекистами в Джанкое (по другим данным — в Мелитополе) и расстрелян.

¹² Марченко Алексей Иванович (1880-е-1921). Наряду с С.Каретником упомянут в числе друзей и сподвижников в посвящении к воспоминаниям Н.Махно. Родился в Гуляй-Поле. Из батрацкой семьи. Унтер-офицер царской армии. С 1917 г. активный участник махновского движения. В 1918г. — командир отряда повстанцев. В 1919 г. — член штаба 3-й бригады махновцев. С июня 1920 г. — командир 1-й кавбригады. В ноябре 1920 г. командовал конницей Крымской группы войск Н. Махно. Убит в бою в январе 1921 года.

¹³ Щусь Феодосий Устинович (1893–1921). Родился в с.Большая Михайловка Екатеринославской губ. Участник 1-й Мировой войны — с 1915 г. матрос на корабле «Иоанн Златоуст». В 1918 г. — командир партизанского отряда против германских и германских войск. Член штаба 3-й Заднепровской бригады им. Батьки Махно (февраль- май 1919 г.); командир кавбригады (июль-декабрь 1919 г.); член Повстанческой армии (май 1920-апрель 1921); по июнь 1921 г. — начштаба 2-й группы П.армии. Убит в бою в июне 1921 г. Наставник и друг Н. Махно П. Аршинов в «Истории махновского движения» пишет, что «Его имя в повстанческой среде и во всем районе юга Украины почти столь же было популярно, как и имя Нестора Махно» [5, с. 251].

¹⁴ Цитата из статьи С. Гусева «Уроки гражданской войны»: «Затем идет то, что, собственно, обычно называется «ездящей пехотой», т.е. пехота, которая употребляет лошадь исключительно для целей передвижения... пехота, передвигающаяся на телегах, находящихся в постоянном ее распоряжении (способ , которым преимущественно пользуются бандиты)» [19, с. 23].

Поддержка кавалерийских частей обеспечивалась пехотными подразделениями, перемещавшимися на тачанках. Подобные подразделения назывались военспецами «ездящей пехотой»¹⁴. В условиях гражданской войны при растянутости линии фронтов и, как правило, отсутствии долговременных оборонительных сооружений, наступление махновской конницы представляло реальную угрозу для противников. В советских военно-теоретических исследованиях, посвященных военному искусству в годы Гражданской войны, неоднократно отмечалась их высокая оперативность и быстрота:

«В быстроте и стремительности передвижения банды имели значительное преимущество перед частями Красной армии. Двигаясь часто без дорог, по проселкам, балкам и оврагам, меняя непрерывно лошадей, пополняя свои запасы попытками нападений на обозы Красной армии и избегая опасных боевых столкновений, банды Махно в течение долгого времени сохраняли оперативную свободу и как «летучие голландцы» передвигались по Украине, наводя ужас и панику на местное население» [13, с. 241].

Широко применяли махновцы в боевых действиях и пулеметные тачанки. В ряде источников ошибочно указывается, что пулеметная тачанка появляется впервые в армии Махно. Перевозимые на конной тяге пулеметы использовались еще в период Первой Мировой войны, начали

они поступать на вооружение до 1914 года (так называемые «двуколки Соколова»).

В годы Гражданской на смену достаточно громоздким двуколкам Соколова пришли более легкие и мобильные тачанки, применявшиеся всеми воюющими сторонами. Их использование на полях сражений достаточно подробно рассматривалось на страницах военно-теоретических изданий 1920-х годов. В статье А. Хмельнова «Пулеметы и кавалерия» среди прочих задач, возложенных на конные пулеметные части, выделялись как главные:

- «1) отражать своим огнем атаку противника;
- 2) прикрывать отход и приведение в порядок своих частей в случае неудачного исхода атаки» [44, с. 125].

При этом следует отметить, что наиболее эффективным был фланговый кинжальный огонь массы пулеметов по прорвавшейся коннице противника. Против пехоты наиболее губителен фронтальный огонь. В обоих случаях позиция готовилась заранее. Пулеметы снимались с тачанок, а сами тачанки отводились в укрытие, т.к. легко поражаются артиллерией противника. Стрельба непосредственно с тачанок применялась крайне редко в критических ситуациях.

Если изобретение боевых тачанок нельзя приписывать махновской армии, то в их массированном применении махновцы не знали себе равных. В ударном соединении Н. Махно, конном пулеметном полку Ф. Кожина, их число доходило до 400 единиц и более, а тактические приемы взаимодействия с конницей и пехотой, и в наступлении, и в обороне доведены до совершенства. Полк Ф. Кожина и отборные конные соединения образовывали костяк постоянного состава Повстанческой армии.

Белогвардейский офицер К. Герасименко, бывший длительное время среди правдива махновцев дает постоянному составу армии Н. Махно крайне нелицеприятную характеристику: «Неизменными и постоянными спутниками основного ядра армии были грабеж, пьянство, буйство... Махновцы не признавали над собой никакой власти и ни с чем не считались» [16, с. 248].

Очевидно, что белогвардейский офицер не испытывал симпатий к махновцам, описывая махновскую армию, несколько сгущал краски, но сравнивая сообщенное им с другими источниками, необходимо признать, что представленная им картина повседневного быта повстанцев в целом. В Справке начальника оперативного управления

Южного фронта Пиотровского «Организация армии Махно в период с марта по октябрь месяцы 1920 г» отмечалось:

«Дисциплина самая строгая: за неисполнение боевого приказа, за трусость — расстрел, за более мелкие проступки бьют. Своего комсостава повстанцы боятся, приказание исполняются беспрекословно. Комсостав в большинстве унтер-офицеры и подпрапорщики старой армии, бывших офицеров всего 3. Комсостав с хорошей боевой подготовкой и с большими практически знаниями партизанской войны. До командиров полков назначение выборное, но и по назначению» [37, с. 489].

Неоднократно высоко оценивалась боеспособность постоянного состава Повстанческой армии ее противниками. Строки из доклада командующему войсками Новороссийской области о ситуации на фронте 14 сентября 1919 г. начальника штаба 3-го армейского корпуса Добровольческой армии В. Чернавина:

«...1) Главная масса противника около 6000 из банд Махно и красных.

2) Это головорезы, сбравшиеся под защитой Петлюры, элемент в боевом отношении отличный — конница так просто вызывает восхищение... Артиллерийским огнем они часто просто забивают, деморализуют наши части... Все это усиливается блестящими действиями махновской конницы...» [37, с. 200].

Тактические приемы ведения боевых действий, организация управления регионами подконтрольными махновцам в условиях социальных потрясений, вызванных революцией, видимо, следует рассматривать как проявление характерных черт исторической традиции, связанных со стремлением к созданию форм народного самоуправления, истоки которого прослеживаются со времен существования Запорожской Сечи.

Выводы И. Ерохина, описывавшего политику государственного строительства повстанцев в статье «Казачье-крестьянская республика Н. Махно: к вопросам казачьей государственности», наряду с изрядной долей идеализации махновского движения, безусловно, содержат немалую долю истины: «В опыте государственного строительства казачье-крестьянской республики Н. Махно с особой отчетливостью отразился принцип дуализма, присущий всей казачьей общности в целом на протяжении многовековой истории человечества. С одной стороны, это стремление к установлению начал государственности, с другой, стремление к сохранению

исконных этнических вольностей, традиционного, бунтарского, гордого и свободолюбивого духа» [22, с. 174].

Во второй половине октября 1920 года Н. Махно, следуя Старобельскому соглашению, создает особую Крымскую группу войск, формирующуюся из состава основного ядра Повстанческой армии. Перед ней была поставлена задача совместно с войсками Южного фронта принять участие в разгроме Русской армии Врангеля в Крыму. Видимо, Махно всерьез рассчитывал на включение в «Соглашение» четвертого пункта и, соответственно, его выполнения большевиками, предполагавшего создание анархистской автономии с территориальным размещением, как минимум, в пределах Старобельского и Беловодского уездов. И, опять же, надеясь, что активные действия против белых будут содействовать решению этого жизненно важного для махновцев вопроса, он включает в состав Крымской группы самые элитные соединения своей армии.

III. Крымская группа Повстанческой армии Н. Махно в Перекопско-Чонгарской операции

Крымская группа войск под командованием С. Каретника состояла из 3000 сабель и 450 пулеметных тачанок (полк Ф. Кожина). Так оценивает ее численность и состав начштаба Повстанческой армии В. Белаш [6, с. 527]. Действительно, если учесть, что на каждой пулеметной тачанке находилось обычно 3 (2 человека — расчет пулемета и ездовой), иногда 4 человека, то общая численность группы С. Каретника составляла около 4500 человек. Последняя цифра не стыкуется с данными, приведенными В. Триандафилловым в статье «Ликвидация Врангеля» [41, с. 76], где приводится общая численность бойцов Крымской

группы в 6000 чел. при 250 пулеметах и 12 орудиях (по В. Белашу у махновцев было 450 пулеметов). В этой связи вполне достоверными становятся утверждения некоторых исследователей, что соединения Н. Махно не только форсировали Сиваш, переправляясь на Литовский полуостров, но и участвовали в лобовой атаке Перекопа. Так, в документальном исследовании Т. Беспечного и Т. Букреевой «Правда и легенды о Махно» авторы сообщают: «Общее руководство Крымской группой осуществлял Каретников. Эти данные общеизвестны. Однако, как свидетельствуют последние публикации, комендантом Крымской группы был назначен Лева Задов¹⁵ (тот самый Л. Задов, личность которого, благодаря литературным произведениям и кинематографу советского периода, стала одной из самых одиозных в окружении Н. Махно), как правило, представляемый в образе коварного, жестокого и не знающего пощады начальника махновской контрразведки. Справедливости ради, следует отметить, что бесшумным начальником контрразведки у Н. Махно был Л. Голик, а Л. Задов лишь в течение двух недель занимал должность помощника начальника Мариупольской контрразведки и в течение трех месяцев начальника разведки одного из корпусов Махно. Из других источников мы узнаем, что Лева Задов командовал конно-артиллерийской группой, бравшей Турецкий вал при штурме Перекопа, а из третьих — что он руководил пехотно-артиллерийской группой» [8, с. 256–257]. Из показаний Л. Задова, арестованного в августе 1937 г. органами НКВД, на допросе 17 ноября 1937 года: «На Крымский фронт направлялись 2 группы — кавалерийская и пехотная. Пехотная группа состояла из пехотного и артиллерийского полков; командовал этой группой Петренко¹⁶,

¹⁵ Задов (Зинковский) Лев Николаевич (1893–1938). Анархист. Родился в еврейской земледельческой колонии Веселая (с. Гупаловка Мариупольского уезда Екатеринославской губернии). Образование начальное. В 1913 г. осужден к 8 годам каторжных работ. Освобожден после Февральской революции в 1917 г. С конца 1917 г. в анархистском отряде Макса Черняка Красной армии. С 1918 г. на подпольной работе на Украине, а затем в армии Н. Махно. Занимал должность помощника командира полка, помощника начальника Мариупольской контрразведки армии (в течение 2 недель до июня 1919 г.). С сентября по декабрь 1919 г. начальник разведки 1-го Донецкого корпуса. Во время боевых действий в Крыму — комендант пехотной группы П. Петренко. С января 1921 г. — начальник личной охраны Н. Махно, вместе с которым в августе 1921 г. ушел в Румынию. В 1924 г. нелегально вернулся в СССР и сдался органам ОГПУ. С декабря 1924 г. — сотрудник органов ОГПУ. С 1932 г. — сотрудник ИНО Одесской обл. отдела ГПУ, с конца 1936 г. — уполномоченный 3-го отдела (контрразведка) Одесского УНКВД. Дважды награжден боевым оружием. Арестован органами НКВД в августе 1937 г. Расстрелян по приговору выездной сессии ВКВС СССР в сентябре 1938 г. (По материалам публикации Военно-исторического журнала «Слуга анархии и порядка»: 1990 г., №№ 2, 4, 10; 1991 г., № 11).

¹⁶ Петренко (Платонов) Петр (1890–1921) — Петр — «Молния». Выходец из батрацкой семьи с. Б. Михайловка Александровского уезда Екатеринославской губ. Полный Георгиевский кавалер, прапорщик. Член Дибровской группы анархистов с 1918 г. В 1918 г. командир отряда; с мая 1919 г. — начальник боевого участка и командир пехотного полка Повстанческой армии. В ноябре 1919 г. — командир ударной группы 1-го Донецкого корпуса. В январе 1920 г. — командир 5-го полка. С мая 1920 г. — командир пехотной группы. Участвовал во взятии Перекопа. В начале 1921 г. — начальник штаба Азовской группы Повстанческой армии. Убит в бою с красной кавдивизией на Херсонщине в августе 1921 г. По другим сведениям, в ноябре 1921 г. возглавлял отряд повстанцев, действовавший в Донецкой губ., откуда совершал рейды в Харьковскую губ., тогда же погиб после полученного тяжелого ранения [37, с. 911].

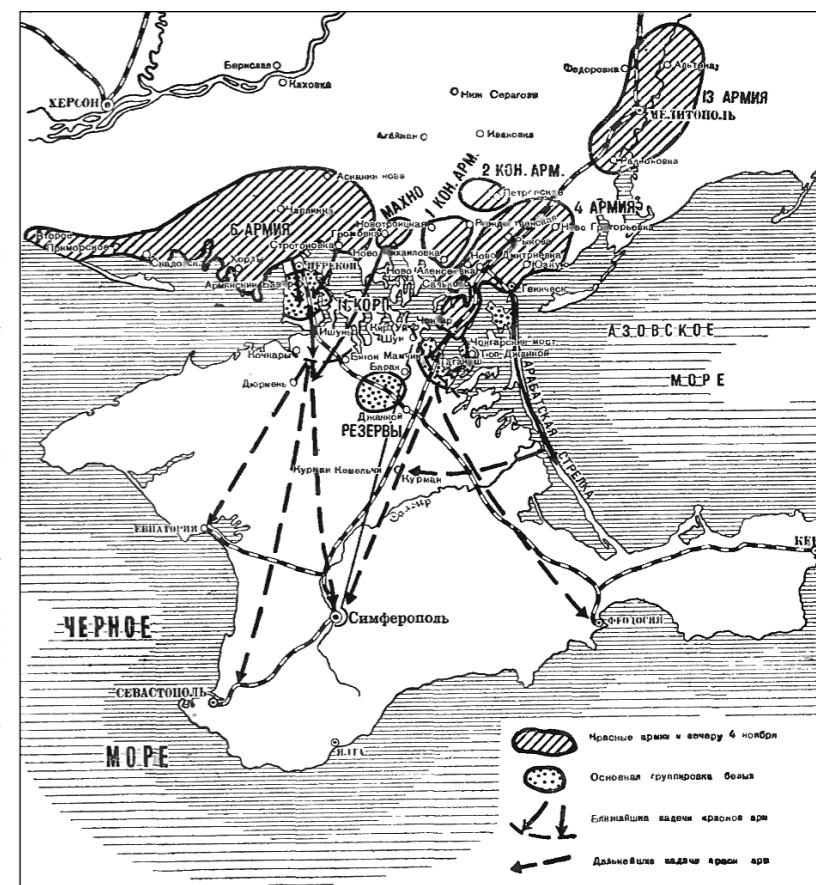
а я был назначен комендантом этой группы» [3, с. 73]. Таким образом, учитывая, что через Сиваш переправлялась группа С. Каретника, включавшая кавалерию под командованием А. Марченко и пулеметный полк Ф. Кожина, общей численностью около 4500 чел, становится понятным, что группа П. Петренко (пехота и 12 орудий) насчитывала до 1500 чел.

О подробностях участия группы П. Петренко в штурме перекопских укреплений практически ничего не известно. Как правило, в советской историографии описывается штурм Турецкого вала 8 ноября 1920 г. исключительно силами 51-й стрелковой дивизии и отдельной Огневой бригады. Такая трактовка штурма Перекопа изложена, например, в одном из первых и достаточно глубоких исследований по истории Гражданской войны Н. Кокурина и И. Вацетиса:

«...51-я стрелковая дивизия приступила к артиллерийской подготовке штурма Турецкого вала... Атака 51-й стрелковой дивизии на Турецкий вал была отбита. Снова атака была предпринята около полудня...» [26, с. 645].

Признавая, что штурм перекопских укреплений 8 ноября закончился неудачно (было за день предпринято 4 безрезультатные атаки, в ходе которых в полках наступавших красноармейцев потери доходили до 40–50 процентов личного состава и более), авторы справедливо указывают, что овладеть укреплениями удалось лишь после того, как противник сам в ночь с 8 по 9 ноября покинул позиции. [там же, с. 646]. Более подробно бои и уход с позиций белых частей описан в материалах участника событий, полковника Белой армии М. Левитова, который, в частности, сообщает, что «последний батальон полковника Трошина оставил вал по приказу в 24 часа 8 ноября [34, с. 557], о чем командованию красных стало известно лишь на рассвете 9 ноября. Он указывает и на катастрофические потери штурмовавших Турецкий вал:

«По Корку потери красных — 45 лиц командного состава и 605 красноармейцев... Осмелюсь и я, хотя бы по своей скромной должности командира 2-го Корниловского Ударного полка,

Перекопско-Чонгарская операция

защищавшего тогда левую часть Перекопского вала, уверить товарища Корка в том, что потери перед валом должны быть в десять раз больше» [там же, с. 557].

Несомненно, значительные потери понесла и группа П. Петренко. После взятия Перекопа красные части прорывали Юшуньские позиции белых, не сопровождавшимися столь значительными потерями, соответственно они были меньшими и у махновцев.

В большинстве советских источников уже в начале 20-х годов XX столетия практически исчезают даже упоминания об участии махновцев в боях против Русской армии П. Врангеля в Крыму. О степени их участия можно судить хотя бы по потерям Крымской группы, доходивших до 30% ее численности. Очевидно, большая их часть приходилась на группу П. Петренко, участвовавшей в лобовом штурме. Но если о частях, находившихся под непосредственным командованием С. Каретника, какие-то сведения сохранились, то группа П. Петренко была окончательно забыта. О ней очень кратко сообщает в ходе допроса Л. Задов:

«После ликвидации Врангеля красные предложили махновцам сдать оружие. Махновцы сдать оружие отказались и начали пробиваться в Гуляйпольский район — к Махно. Под станцией Федоровкой¹⁷ вся наша группа была разбита буденовцами. Все же двумя небольшими группами нам удалось добраться до района действий Махно — Гуляй-Поле, Власовка, Дубровка. Это было уже в декабре 1920 года» [3, с. 73].

Приказ М. Фрунзе армиям Южного фронта №00155/пш об уничтожении махновщины, включавший требования переформирования махновских частей с введением их в состав 4-й армии, а также о сдаче ими оружия датируется 24.11.1920 г. Следовательно, группа Петренко после отказа его выполнения, начала пробиваться из Крыма в гуляйпольский район не позднее 25–26 ноября.

Подробности продвижения отряда П. Петренко нам не известны, но, понесшие значительные потери в штурме Перекопа соединение махновцев двигалось далеко не беспрепятственно. Пройдя около 200 км, оно было достигнуто и разгромлено частями буденовской армии под станцией Федоровка в начале декабря 1920 г., не дойдя нескольких десятков километров до Гуляй-Поля. Рассказывая на допросе о судьбе группы П. Петренко, Л.Задов по неясным для нас причинам не сообщает, что его самого в составе соединения махновцев, идущих в прорыв, не было, т.к. уже 22.11.1920 г. он был назначен на должность коменданта города [37, с. 549]. Т.е. Задов покинул Крым на несколько дней раньше, чем группа П. Петренко.

Первоначально Крымская группа подчинялась непосредственно командованию Южного фронта. И уже в директиве №580/оп от 20.10.1920 г. [43, с. 408] и в приказе № 0230/с, 673/оп [там же, с.411–412] М. Фрунзе ставит задачу Повстанческой армии захватить не позднее 29 октября крымские перешейки и прорваться в Крым (?!). Как известно, прорыв в Крым в ноябре 1920 г. осуществлялся частями Красной Армии, многократно превосходящими по численности и вооружению махновские соединения. Невыполнимость поставленной задачи, безусловно, понимали в штабе Южного фронта. Создается впечатление, что уже

с начала совместных действий Красной Армии и махновцев, перед последними ставились заведомо нереальные задачи. Их выполнение влекло невосполнимые потери и, как следствие (на этом, надо полагать, и строился расчет), махновские соединения должны были прекратить свое существование как боеспособные единицы. Такая политика командования Южного фронта не могла не наражать махновских командиров.

В ответ на приказ М. Фрунзе временно исполняющий обязанности командующего Повстанческой армии С. Каретник и начальник штаба армии П. Гавриленко¹⁸ в телеграмме командованию Южфронта № 020/д от 25.10.1920 г. [37, с. 512] сообщали, что полученный 24.10.1920 г. приказ повстанцы выполнить не в состоянии — необходимо соединить боевые группы армии с резервными частями, провести перегруппировку сил, пополнить части боезапасом и легкой артиллерией и пр.

Для решения перечисленных задач требовалось, как минимум, 4–5 дней. Аргументация С. Каретника и П. Гавриленко вполне соответствовала реальному положению дел, хотя обоим было понятно: даже решив насущные проблемы, самостоятельно прорваться в Крым Повстанческая армия шансов не имеет.

В конце октября Крымская группа передается в оперативное подчинение 13-й армии, чем был крайне недоволен командарм И. Уборевич. Он даже просил М. Фрунзе освободить его от управления войсками махновцев, мотивируя свою просьбу сложившимися враждебными отношениями [37, с. 513]. В свою очередь, С. Каретник 4 ноября просит от командования Южфронта разъяснения по поводу своих дальнейших действий, т.к. от командарма 13-й он никаких подробных директив не получал, «... кроме общей задачи форсировать Сиваш и пройти в Крым» [37, с. 516]. Но выполняя директиву, Крымская группа в ночь с 4 на 5 ноября пыталась форсировать водную преграду, однако усилившийся восточный ветер поднял уровень воды в Сиваше, и махновцы вынуждены были вернуться, не пройдя и половины пути.

На крымский берег они переправились в ночь с 8 на 9 ноября. К этому времени для 15-й,

¹⁷ Ст. Федоровка — в настоящее время узловая железнодорожная станция Приднепровской железной дороги, расположенная в селе Новобогдановка Мелитопольского района.

¹⁸ Гавриленко Петр (?–1920). Из крестьян Гуляй-Поля. Анархист с 1905 г. Активный участник махновского движения. Проявил себя как успешный военачальник, командуя 3-м корпусом армии Н. Махно осенью 1919 г. С начала и по октябрь 1920 г., арестованный большевиками, содержался в Харьковской тюрьме. Освобожден после заключения Старобельского соглашения. После освобождения занимал должность начальника штаба Крымской группы войск махновцев. Расстрелян вместе с С. Каретником 26 ноября 1920 г. в Мелитополе.

52-й стрелковых дивизий и 153-й бригады, форсировавших Сиваш на рассвете 8 ноября, ситуация складывалась критически. Первоначально успешно развивавшаяся операция, в ходе которой была разгромлена и частично пленена малочисленная бригада М. Фостикова (около 1500 человек), оказалась под угрозой срыва. Части стрелковых дивизий были оттеснены контратакой белых. А на тылах у них обозначился подъем воды в Сиваше, грозивший отрезать обе дивизии и 153-ю бригаду 51 с.д. от материков» [17, с. 54]. Для спасения положения М. Фрунзе принимает экстренные меры, включавшие переброску на Литовский полуостров 7-й кавдивизии и Крымской группы (с 5 ноября она была переподчинена командованию 6-й армии). Впоследствии М. Фрунзе вспоминал:

«Примерно в 3 часа ночи в Строгановку прибыла 7-я кавдивизия, которая после осмотра тотчас же была отправлена к боевым линиям. Вода же за это время уже сильно испортила брод, но переправа все же еще была возможна.

Часам к 4 явились и махновцы. Вызвав к себе их командующего Каретникова и начальника штаба, фамилию которого сейчас не помню (П. Гавриленко. — В.К.), я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час. Видимо, махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь быть может какой-нибудь ловушки (выд. В.К.). Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часам к 5, удалось их переправить к месту боев». [42, с. 30–31]. Как показали дальнейшие события Каретник и Гавриленко не зря опасались ловушки. Следует отметить, что Каретник был из числа тех, кто в окружении Махно являлись противниками заключения Старобельского соглашения, и вообще каких-либо договоров с большевиками, полагая (впоследствии это и подтвердилось), что они рано или поздно ими будут предательски нарушены. Но он вынужден был подчиниться приказам. Переход Крымской группы махновцев на Литовский полуостров сыграл едва ли не решающую роль в его удержании. В исследовании Н. Какурина и И. Вацетиса боям 9 ноября на Литовском полуострове уделено всего несколько строк, и участие в них махновских соединений никак не обозначено. Отмечается лишь присутствие махновцев:

«У красных на Литовский полуостров переправилась армия Махно. У белых на юшуньской

позиции уже устраивались части Корниловской и Марковской дивизий, а к выходам с Литовского полуострова подошла голова конного корпуса Барбовича (в исследовании фамилия командира корпуса С. Барбовича неоднократно пишется с искажением — Барабович. — В.К.). День 9 ноября прошел с одной стороны под знаменем упорной борьбы на выходах с Литовского полуострова, причем атака корпуса Барбовича в 17 ч. была отбита...» [26, с. 646].

Более подробно этот бой описан в книге русского историка-эмигранта, полковника В. Звезгинцова «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну»:

«Чтобы ослабить нажим красных на левый и средний участки Юшуньских позиций, между Черным морем и озерами Старое и Красное, конному корпусу (корпус С. Барбовича — В.К.) было приказано атаковать и отбросить к северу красные части, наступающие с Литовского полуострова» [24, с. 199].

Бой, как сообщает В. Звезгинцов, начался с утра. В атаке белых принимали участие остатки Кубанской пешей бригады и 1-я кавалерийская дивизия (авангард корпуса С. Барбовича. — В.К.).

«Преследуя отступавших, конница подошла к нашим окопам, занятым теперь красными (т.е. было восстановлено положение до начала атаки красных частей на рассвете 8 ноября. — В.К.). В 15 часов (а не в 17, как сообщают Н. Какурин и И. Вацетис) была произведена атака. Перескочив через окопы, эскадроны нарвались на проволоку, за которой остановившиеся красные встретили атаку сильнейшим огнем. Понеся большие потери, полки отхлынули назад... Огромные потери, понесенные полками, подход к красным подкреплений, туман и наступающая темнота не позволили коннице продолжить бой. На ночь она отошла на линию Сиваш, озеро Безымянное... (т.е. фактически отошла на исходные позиции перед атакой — В.К.)» [там же, с. 199].

Звезгинцов не сообщает, что за подкрепление подошло к красным, а это были махновцы, и именно массированный огонь пулеметного полка Ф. Кожина заставил отступить на исходные позиции части белых и, тем самым, спасти положение соединений 6-й армии А. Корка на Литовском полуострове. Командарм А. Корк вспоминал:

«Около 15 часов на перешейке между Сивашом и Безымянным озером перешла в наступление конница Барбовича. 15-я дивизия левым флангом начала отходить. Тут оказал поддержку отряд Каретника, который быстро развернулся и

встретил конницу противника убийственным пулеметным огнем. Конница Барбовича бросилась назад. Вследствие помощи оказанной отрядом Каретника (пулеметным полком. — В.К.) левый фланг 15-й дивизии был быстро приведен в порядок» [27, с. 68].

Как отмечалось выше, действия пулеметного полка Ф. Кожина позволили спасти не только положение 15-й дивизии, но, в конечном итоге, всей группировки войск 6-й армии на Литовском полуострове...

Вторично Крымская группа приняла участие в бою с белыми 11 ноября в районе Карповой Балки¹⁹. Этот бой многократно описан как в советских источниках, так и в эмигрантских изданиях и, не без обоснования, считается одним из переломных, решивших исход борьбы за Крым в ноябре 1920 года. Т.е. кульминацией «последней отчаянной попыткой противника восстановить свое положение на Литовском полуострове и выйти в тыл красным на Армянский базар» [26, с. 647]. Правильнее и все же правильно было бы трактовать развернувшееся сражение 11 ноября как попытку белой конницы активными действиями, по существу, жертвенными контратаками против значительно превосходивших в силах соединений 6-й армии, остановить их продвижение со стороны Юшуньских позиций. и, тем самым, дать возможность отступить частям Русской армии к пунктам эвакуации. Ведь к 11 ноября (а на самом деле задолго до этой даты) командование белых стала очевидной бесперспективность борьбы за Крым. В этот день Врангелем был подписан приказ об эвакуации войск. Бои у Карповой Балки носили исключительно ожесточенный характер, и вновь Крымская группа сыграла в них едва ли не самую значительную роль. В воспоминаниях бойцов 15-й дивизии 6-й армии и начальника штаба 51-й дивизии И. Датюка запечатлены основные эпизоды сражения, которое началось на рассвете 11 ноября. Первоначально успех был на стороне и пехотных, и кавалерийских соединений 6-й и 2-й Конной армии Ф. Миронова (она была переброшена на Литовский полуостров 10 ноября, и в тот же день ей была подчинена Крымская группа С. Каретника) [33, с. 243].

Восстановили положение белых не только свежие части, а все спешно собранные из утомленных боями конных соединений корпуса С. Барбовича на этом участке фронта. Прочитываем того же В. Звегинцова:

«Чтобы дать пехоте возможность дойти и задержаться на новой позиции, начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал Выгран собрал остатки полков и лично повел их в контратаку. Красная конница удара не приняла, повернула и смяла наступавшую за ней пехоту. Бросая пулеметы и даже орудия, красная конница и пехота отступили в большом беспорядке».

Но этот временный успех на небольшом участке фронта, при малочисленности имевшихся на нем сил, не мог уже повлиять на события. [24, с. 199–200].

Атака Терско-Астраханской бригады вместе с другими соединениями корпуса С. Барбовича стала решающим моментом боя, определившим исход сражения в пользу красных. Из воспоминаний бойцов 15-й дивизии:

«Около 11 часов конница Барбовича при поддержке офицерских батальонов дроздовской и корниловской дивизий опять перешла в стремительное наступление на красные части. У белых было много пулеметов на тачанках, их поддерживали пулеметы в окопах. Части 52-й и 15-й дивизий были смяты и белая кавалерия прорвалась к северу. Создалась угроза Армянскому базару и тылу 51-й дивизии. Навстречу коннице Барбовича были брошены все резервы 6-й армии и части Второй Конной <...> Спас положение удачный маневр Второй Конной армии. Навстречу коннице Барбовича с озера показались конная лава, за ней была спрятана цепь тачанок с пулеметами. Две лавы быстро сблизились. Вот уже осталось меньше тысячи шагов. И вдруг красные бойцы отскочили направо и налево, лава красной конницы раздвинулась и перед противником оказалось 250 пулеметов на тачанках. Первые ряды конницы Барбовича были сметены свинцовым дождем. Остальные повернулись и, спасаясь от настигающих пуль, понеслись назад...» [33, с. 243].

Белая конница продолжила яростно контратаковать до вечера 11 ноября, прикрывая отход пехотных соединений к югу, не допуская их преследование кавалерией Второй Конной и махновцами. Упомянутые 250 пулеметов (вероятно, в описанном эпизоде их было несколько меньше, т.к. в условиях дефицита времени вряд ли было возможно установить на позиции столь значительное количество тачанок) — это пулеметный полк Ф. Кожина, губительный огонь которого заставил с большими потерями отступить

¹⁹ Карпова Балка — село в Краснопереконском районе, расположенное на северном берегу оз. Красное, примерно в 6 км от основания Литовского полуострова.

кавалерию белых. В продолжавшихся до вечера кавалерийских схватках принимала участие и конница С. Каретника.

В целом, действия Крымской группы в сражении у Карповой Балки заслуживают самой высокой оценки. Безусловно, нельзя преувеличивать ее вклад в сражение за Крым, но нельзя не признать и несомненную заслугу в победе над корпусом С. Барбовича, считавшимся лучшим кавалерийским соединением Русской армии (конница белых, по оценке военных специалистов, признавалась лучшей кавалерией в мире даже ее непримиримыми противниками — красными)²⁰. Но лучшему кавалерийскому соединению Русской армии П. Врангеля невозможно было рассчитывать на победу над противником, имевшим более чем трехкратное превосходство. Перед корпусом С. Барбовича стояла задача — не дать красной коннице преследовать отступающие пехотные соединения. Что и было выполнено. Часто потери корпуса преувеличиваются, иногда даже его считают после боя у Карповой Балки полностью разгромленным. Потери, действительно, были значительными, исчислялись в не менее 1000 человек. Во время эвакуации из Крыма численность корпуса составляла более 3000 чел.²¹, и это означало, что в ходе боев 9–12 ноября 1920 г. соединение потеряло около одной трети своего состава. Потери Крымской группы были не столь значительными, но также исчислялись сотнями убитых и раненых. Установить точное число не представляется возможным. Очевидно лишь, что в строю под началом С. Каретника к 12 ноября оставалось 3,5–4 тыс. человек (из первоначального состава Крымской группы в 4,5 тыс. человек). 11–12 ноября пехотные части Русской армии начали отступление по всему фронту и форсированными маршами устремились на юг, к побережью полуострова, где начали погрузку на корабли. Белая конница, прикрывая их отход, отступала в арьергарде. Преследование осуществляли 2-я Конная армия Ф. Миронова совместно с Крымской группой. Вспоминая со-

бытия 11–14 ноября, Ф. Миронов сообщает, что его армия наступала в двух направлениях: на Джанкой и на ст. Курман-Кемельчи (ныне пгт. Красногвардейское). На ст. Курман-Кемельчи наступали: 21-я кавдивизия, Отдельная кавбригада и Повстанческая армия Н. Махно (Крымская группа С. Каретника). Командарм в мемуарах останавливается на описании боя у станции, к которой конные части подошли 12 ноября к 13 часам. Он начался, по словам Ф. Миронова, с артиллерийского обстрела, который почти на протяжении трех часов вели три бронепоезда белых. Командарм считал, что это был последний бой с Русской армией П. Врангеля, закончившийся победой соединений 2-й Конной Армии и частей махновцев. [36, с. 582–586]. В своих воспоминаниях Ф. Миронов хоть и не останавливается подробно на действиях группы С. Каретника, но все же указывает на ее участие в бою. В большинстве советских источников участие махновцев попросту игнорируется. Так, например, в монографии В. Душенькина «Вторая Конная», следуя Ф. Миронову, отмечается и трехчасовой бой, и успешные действия 2-й бригады 21-й кавдивизии [21, с. 197, 199], и, в заключение, делается акцент на том, что «бой в районе станции Курман-Кемельчи был последним боем советских войск с белогвардейцами в Крыму» [там же, с. 200], но участие в нем Крымской группы махновцев никак не прослеживается. Следует привести краткое описание боя, представленное со стороны белых:

«Убедившись, что пехота, стоявшая на участке конницы, благополучно миновала дефиле между озерами Красное и Киятское, конница, в свою очередь, снялась с позиции. В арьергарде шла бригада полковника Попова, Гвардейский и 1-й Конный полки <...>. У дер. Курман-Кемельчи бригада была обстреляна шрапнелью, и слева показались красные лавы, рассеянные огнем батареи. Это было последнее столкновение с красными» [24, с. 200].

В процитированном отрывке из книги В. Звегинцова «Кавалергарды в Великую и Граждан-

²⁰ Член РВС Южного фронта С. Гусев, оценивая боевой уровень белой кавалерии писал: «Именно на своей «бронированной» кавалерии Врангель основал свой стратегический план. Врангель действовал наверняка: в его распоряжении имелась лучшая в мире конница из прирожденных кавалеристов-казаков, великолепно обмундированная и вооруженная, находившаяся под командой опытных генералов-кавалеристов... По силе удара, по маневренности гибкости это было самое идеальное войско, какого мир еще не видел» [28, с. 159].

²¹ Указанная цифра подтверждается донесением генерала Драценко, ведавшего до прибытия в Ялту генерала С. Барбовича, посадкой войск, в котором сообщалось, «что у него есть свободный корабль и непогруженные 5000 чел. кадет, конвоя, гарнизона и администрации. Если же Конный корпус не придет, то можно спасти больше половины» [29, с. 44]. Отсюда следует вывод, что корпус насчитывал не менее 3000 чел. Командующим флотом для погрузки указанных в донесении был послан в Ялту дополнительно пароход «Константин», а корпус С. Барбовича эвакуировался на пароходе «Крым», принявшим на борт 5380 чел. [там же, с. 44], видимо, помимо кавалеристов на нем находилась часть администрации г. Ялта, гарнизона и т.д.

скую войну 1914–1920 год» все, что происходило у станции Курман-Кемельчи 12 ноября названо лишь столкновением и нет даже упоминания о трехчасовом сражении с красной конницей. Нет никаких сообщений о бое с белой конницей и в Оперативной сводке командования 2-й Конной Армии за 12 ноября, подписанной командармом Ф. Мироновым и членом РВС армии Н. Горбуновым, в которой сообщается, что находясь «... в 4 верстах юго-восточнее ст. Курман-Кемельчи, армия к вечеру достигла района восточнее железной дороги Джанкой-Симферополь. Разбитый противник в панике бежит. Дороги устланы обозным имуществом. За день пока выяснено: взято 4000 пленных...» [18, с. 741]. В отличие от текста мемуаров Ф. Миронова, в сводке речь идет о преследовании белых частей, но не о бое с ними. Судя по всему, командарм не стал бросать свою кавалерию под массированный артобстрел трех бронепоездов и станция была взята после их ухода. Что же касается 4000 пленными, то это были из числа тех, кто после объявления П. Врангелем эвакуации, решили остаться и добровольно сдались в плен на милость победителей. Видимо, сомнения относительно того, что при занятии ст. Курман-Кемельчи произошел ожесточенный трехчасовой бой, возникли уже в то время и среди красного командования. Не случайно в конце своих воспоминаний, написанных в январе 1921 г., Ф. Миронов вставляет фразу: «Итак, кто бы и что не говорил, 12 ноября было последним боевым днем в Крыму» [36, с. 586].

С учетом развития событий ни 2-я Конная Армия, ни махновцы в этот день серьезных потерь не имели. Не было потерь (как и вообще у всех соединений Южного фронта) и в дальнейшем — крымские селенья и города занимались красными частями без боя. Махновцы входили в Симферополь, Севастополь и ряд других городов и населенных пунктов Крым. Перед наступлением на Севастополь командованием 2-й Конной Армии 13 ноября 1920 г. было приказано: «Повстанческой армии Махно перейти в район сел Булганак (ныне с. Кольчугино Симферопольского района), Джавджурек (ныне с. Равнополье Симферопольского района) [там же, с. 743]. Эти два села с расположенными поблизости поселениями (село Михайловка и др.) стали местом расположения основных сил Крымской группы С. Каретника по окончании боевых действий в Крыму.

В с. Михайловка (расположена на южном берегу Сакского озера) был расквартирован 5-й Латышский полк. Здесь же разместился и один из

полков махновцев. В фондах Евпаторийского краеведческого музея хранятся воспоминания служившего в 5-м полку латышского стрелка Мигздыня, где описан въезд в село махновского полка:

«Въезд обставлен помпезно. Впереди группа конников с развернутым черным знаменем. Затем следует командир полка на тачанке, полужелеза на звериной шкуре. Опять группа конников (очевидно, охрана). Сам полк верхом и на тачанках с пулеметами. Состав пестрый. Конники группы в матросской форме, вооруженные гранатами, маузерами в деревянных кобурах, револьверами всех систем, пулеметными лентами. Часть войск — конница в кавказских бурках. На шапках и папахах черные повязки. Все виденное оставляло тяжелое неприятное впечатление — не войско, а бандитство» [4, л. 2].

Описанное красным латышским стрелком Мигздынем дает достаточно правдивое представление о внешнем облике и характерных чертах поведения махновцев. Но было бы опрометчивым на основании внешнего облика и манер поведения делать выводы о боеспособности махновского войска. Традиционно, в большинстве источников, посвященных событиям в Крыму в ноябре 1920 г., упоминается, что махновцы по окончании боевых действий расположились вблизи Евпатории. Действительно, расстояние от Евпатории было невелико, но все же правильнее отмечать их нахождение в 25 км юго-западнее г. Саки. На Крымскую группу С. Каретника была возложена охрана побережья на протяжении нескольких десятков километров. Территория, контролируемая махновцами, простиралась на запад от села Замрук (ныне с. Береговое Бахчисарайского района) и до Евпатории. Их конные разъезды патрулировали отмеченный участок побережья. В условиях наступившего мирного времени дисциплина в подразделениях махновцев стала терять устойчивость. И пьянство, и грабежи, и прочие преступления — все, что со временем стало называться махновщиной в ее самых негативных проявлениях — испытали на себе и жители Крыма. Население некоторых деревень и хуторов в районе расположения махновских частей стали подвергаться грабежам, о чем сообщалось ими в штаб 2-й бригады Латышских стрелков, находившийся в г. Саки [31, с. 487]. Долгое время виновных установить не удавалось. Но однажды конным разъездом 5-го полка латышей были задержаны четверо махновцев на тачанке с награбленным имуществом. Прибывший в штаб полка командир махновцев, признал своих людей. Как

пишет в своих воспоминаниях Мигздынь, «...на второй день, на наших глазах, перед выстроенным махновским полком задержанные грабители были им расстреляны» [4, л. 4].

Изложенное выше подтверждает, что в частях Крымской группы для поддержания и порядка применялись самые крайние меры наказания. Однако даже смертные казни не могли полностью искоренить стремления махновцев к обогащению путем грабежей на захваченных ими территориях, и, хоть и с меньшей интенсивностью, но грабежи продолжались. И было ли их настолько много, чтобы считать преступления массовыми — вопрос спорный и, по отношению к Крымской группе, не находит достаточных подтверждений. В приказе М. Фрунзе № 00155/пш от 24 ноября 1920 г. приводятся 8 фактов грабежей, убийств и пр., совершенных бойцами Повстанческой армии Махно с 7 по 21 ноября [43, с. 453–454], но все они были совершены за пределами Крыма. В самом же Крыму виновными во всех преступлениях по отношению к гражданскому населению, совершенными представителями различных вооруженных формирований по незнанию, а чаще с умыслом, признавались махновцы. Показательны в этом отношении воспоминания очевидца событий, потомственного дворянина А. Сапожникова, которым при описании вхождения красных частей в Севастополь несколько строк уделено и бойцам Крымской группы:

«Одновременно с частями 51-й дивизии в город вошло несколько тачанок так называемой Повстанческой армии батики Махно (основная его армия проскочила на Балаклаву), а также отряды зеленых. Если среди последних было много уголовников, выдававших себя за страдалцев по политическим причинам, то махновцы были самыми откровенными бандитами. Так что по ночам в городе начались налеты и грабежи. В Балаклаве же, в Кадыковке грабежи сопровождалась убийствами» [40, с. 221]. При этом автором не уточняется, представителями каких частей — махновцами, зелеными или, не исключено, красноармейскими — совершались налеты и грабежи (нет сомнений, что ему это было неизвестно), но, однозначно, они связываются с махновцами.

Обращает на себя внимание примечательная фраза в упомянутом приказе М. Фрунзе: «Различные группы, именующие себя махновцами, по всей Украине совершают грабежи и насилия над населением» [43, с. 454].

Очень точное определение — «именующие себя махновцами». В 1919–1921 гг. имя Н. Махно на юге Украины становится нарицательным и приобретает героический оттенок. Этим незамедлительно воспользовались различные бандформирования и, нередко, криминальные группы, никакого отношения к махновскому движению не имевшие, называли себя махновцами. К тому же на огромных территориях, охваченных гражданской войной, действовали сотни банд, не указывавших вообще своей принадлежности. Об этом, в частности писал В. Белаш:

«Что же касается массовых случаев нападения, то в этом виноваты исключительно местные бандиты, неорганизованные крестьяне и уцелевшие кадры белых армий. Мы же виновных строго преследовали и карали расстрелами, как контрреволюционеров и провокаторов, желающих сорвать наше соглашение с Соввластью в пользу Врангеля и Польши» [6, с. 534].

Надо признать, что написанное В. Белашом в значительной степени отражало реальную ситуацию тех дней. В этой связи показательны обстоятельства убийства командира 2-й бригады латышских стрелков Ф. Лабренциса (Лабренца). Согласно официальной версии принято считать, что Ф. Лабренцис и его возница Биринь были убиты махновцами в ночь на 21 ноября по дороге между Евпаторией и Саки. [31, с. 364, 390, 434]. В тот день комбриг посещал 5-й латышский полк, и махновцы настигли его по возвращении в штаб бригады. Штаб 5-го полка, как уже сообщалось ранее, находился в селе Михайловка, а штаб бригады — в г. Саки, что само по себе предполагает место гибели Ф. Лабренциса между Михайловкой и Саками, а не по пути из Сак в Евпаторию. Последнее подтверждается в воспоминаниях Мигздыня, где указано, что тела убитых «...найдены по дороге при выезде из с. ихайловка и брошены в овраг» [4, л. 4], но, главное — «...следственная комиссия не смогла установить убийцу» [там же, л. 5]. До настоящего времени виновные в убийстве Ф. А. Лабренциса неизвестны и вряд ли будут установлены в будущем. Впоследствии, видимо, всё же учитывая заключение следственной комиссии, на могиле Ф. А. Лабренциса (старое кладбище в Евпатории на ул. Эскадронной) написали: «Зверски убит белогвардейцами» (что также никем не доказано). Здесь же неверно указана и должность Франца Ансовича — «комиссар 2-й бригады латышских стрелков», а не командир, как было на самом деле. Тогда, в ноябре 1920-го в гибели комбрига обвинили махновцев,

т.к. она произошла в месте расположения их полка, и убит он был якобы в отместку за разгромленное соединение Повстанческой армии в начале 1920 года 6-м латышским полком, командовал которым Ф. Лабренцис [там же, л. 5]. Безусловно, исключить вину махновцев невозможно. Вероятность того, что убийцами были именно они, весьма велика. Но с учетом насыщенности крымской территории в ноябре 1920 г. всевозможными бандами различной принадлежности, нельзя исключать причастия к убийству Лабренциса одной из них. Как бы то ни было, но обвинение в убийстве латышского комбрига существенно повлияло на формирование образа бойцов Крымской группы как убийц и грабителей. Насколько этот образ отличался от реального, сказать трудно. Сохранилось немало документальных свидетельств с описанием происходившего тогда в крымских городах и поселках. Вот отрывок одного из них:

«В понедельник, 2 ноября ст.ст. в Симферополь стали вступать войска Красной армии, голые, облезлые и ободранные...

Войдя в город, солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и тут же, на улице напяливали на себя отянутую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастью... Кто только мог из жителей, попрятались по подвалам и укромным местам, боясь попадаться на глаза озверелым красноармейцам...» [11, с. 59–60].

Могила Ф. Лабренциса
на старом евпаторийском кладбище

В течение почти двух недель Крымская группа С. Каретника несла службу по охране побережья в юго-западном Крыму. Уже с 11 ноября прекратилась ее связь со штабом Повстанческой армии в Гуляй-Поле, осуществляемой конными курьерами, а с 16 ноября прервалась и телеграфная [6, с. 552]. Группа оказалась в Крыму изолированной, окруженной красноармейскими частями в непосредственном соприкосновении с самыми из них стойкими — латышскими стрелками. Ее участь была предрешена. При этом складывалась ситуация, которая не могла не тревожить командование южного фронта, т.к. участились случаи перехода, как отдельных бойцов, так и целых красноармейских подразделений на сторону махновцев. Генерал И. Данилов (после пленения в феврале 1920 г. вынужденно согласившийся перейти на службу к красным в июле того же года), служивший в ноябре 1920 г. в 4-й армии инспектором по пехоте, будучи очевидцем событий в Крыму, описывал процесс перехода следующим образом:

«Это была вольница (конные армии С. Буденного и Ф. Миронова. — В.К.), которая мало мирилась даже с той тенью дисциплины, которая существовала тогда в красных армиях. Родственная по духу грабежа с войсками Махно, она быстро оценила преимущества службы у Махно, и когда входила в соприкосновение с его войсками, то будучи тайно подбиваема на переход на службу к нему, массами поступала в махновцы. Были случаи перехода целых полков вместе с командным составом; переходили к нему также и пехотные части» [20, с. 163].

Приток красноармейцев в Повстанческую армию Махно был весьма существенным. Только в Гуляйпольском районе остались шедшие с Кавказа на пополнение 2-й Конной Армии 17 маршевых эскадронов. Всего же, только за месяц с конца октября 1920 г., в армию Н. Махно влилось более 10 тысяч (!) бывших красноармейцев. [6, с. 535]. Увеличение численности повстанцев превращало их в серьезную силу, ликвидация которой в будущем потребовала бы проведения крупных войсковых операций. Безусловно, подавление махновского движения никогда не сходило с повестки дня руководства советского государства, и временное соглашение с Н. Махно не меняло общеполитического курса в этом направлении. После победы над Врангелем, махновцы оставались единственной преградой окончательного установления советской власти на юге России и Украины. Резкое увеличение их численности вынуждало красное командование

принимать экстренные меры. «14 ноября 1920 г. состоялось заседание ЦК КП(б)У совместно с членами ЦК РКП(б) Л. Троцким и Л. Серебряковым, на котором был рассмотрен вопрос о Махно. Я. Яковлеву, Х. Раковскому и С. Минину было поручено войти в переговоры с Реввоенсоветом и обсудить предстоящие боевые действия против Махно» [14, с. 179–180].

Достоверных сведений о переходе красноармейцев в состав Крымской группы Повстанческой армии не сохранилось (да и трудно представить, чтобы латышские стрелки, находившиеся по соседству с махновцами, переходили на их сторону). И все же именно она одной из первых подверглась ударам частей Красной Армии. И ее положение (блокированная в Крыму) и статус самого элитного соединения армии Н. Махно, предполагало ликвидацию группы С. Каретника в кратчайшие сроки.

IV. Крымско-таврический анабасис махновцев

Спустя три дня после пленума ЦК КП(б) Украины, последовали первые приказы командования Южфронта, включавшие меры по отношению к Повстанческой армии и Крымской группе, в частности. Первоначально они не содержали пунктов по уничтожению соединений повстанцев, но предписанное в приказах заведомо было не приемлемо для махновцев (т.к. выполнение их означало де-факто ликвидацию махновской армии). И красное командование, изначально уверенное в том, что его требования будут отвергнуты, впоследствии использовало неподчинение махновцев как повод для их уничтожения, придав этим действиям законное основание. В «Оперативном приказе командования Южного фронта о ликвидации фронта и перемещении в связи с этим воинских частей» от 17 ноября 1920 г. пятый пункт предписывал:

«Повстанческую армию Махно передаю в оперативное подчинение командарму 4-й, которому иметь в виду предстоящую переброску армии Махно совместно с 9-й стрелковой дивизией на Кавказ» [43, с. 451].

В приказе М. Фрунзе №00149/пш от 23 ноября речь шла уже не просто о включении махновских частей в состав 4-й армии, а об их реформировании:

«Все части бывшей Повстанческой армии, находящейся в Крыму, немедленно ввести в состав 4-й армии, Реввоенсовету которой поручается их реформирование» (читай расформирование. — В.К.) [Там же, с. 454].

Одной из причин реформирования был отказ повстанцев следовать на Кавказ. Дальнейшие действия в отношении махновцев в этом приказе стали уже более определенными:

«С махновщиной надо покончить в три счета. Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады» [там же, с. 455].

Оставалось лишь не совсем ясным: считать ли «бандитскими шайками» части Н. Махно, воевавшие совместно с Красной Армией против Врангеля (та же Крымская группа С. Каретника), либо под таковыми следовало понимать бандитские формирования, не входящие в армию Махно, но махновцами себя именующими? Разночтения окончательно исчезли после появившегося 26 ноября приказа №00181 «Войскам Южного фронта с объявлением Махно и его отрядов врагами Советской власти и революции». Его текст однозначно указывал:

«...Первое. Войскам фронта считать Махно и все его отряды врагами Советской республики и революции.

Второе. Командирам всех частей Красной Армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, таковые разоружать, оказавших сопротивление уничтожить» [там же, с. 456].

Приказ Фрунзе №00149/пш был получен в штабе Крымской группы 23 ноября. Естественно, он не мог быть принят к исполнению, т.к. фактически вел к ликвидации самой группы как автономного войскового соединения. Он был рассмотрен на общем собрании штаба и командиров подразделений, происходившем в с. Булганак.

В. Белаш сообщает, что: «...общее собрание командиров и штаба группы ответило отказом, мотивируя его тем, что в мирное время группа подчиняется штабу в Гуляй-Поле, и что этим приказом нарушается пункт 1-й военного соглашения» [6, с. 552].

Дальнейшие события развивались стремительно. Командование Южным фронтом прекрасно понимало, что разоружить Крымскую группу не удастся и, готовясь к ее физическому уничтожению, вызывает 24 ноября в Мелитополь, якобы на совещание с участием Н. Махно, командира группы С. Каретника и его начштаба П. Гавриленко. Расчет строился (и вполне обоснованно) на том, что лишившись своих испытанных командиров, соединение махновцев в Крыму станет менее боеспособным. После долгих колебаний, опять же,

вполне обоснованных, сомневаясь в истинных причинах вызова, Каретник и Гавриленко в сопровождении 24 человек (пулеметчики, разведчики, ездовые тачанок) отправились 25 ноября в Мелитополь. По дороге они попадают в засаду, их арестовывают (место ареста не установлено). 26 ноября командир и начальник штаба Крымской группы были расстреляны в Мелитополе. Сопровождающим их удалось прорваться, но в ночь на 27 ноября они были схвачены в Джанкое и также расстреляны. Кроме того, 26 ноября арестованы в Мелитополе «Осипенко и Вильгельм, а также другие повстанцы, ехавшие на лечение в Гуляй-Поле. Несколько дней спустя они были также расстреляны при активном участии командования Сводной дивизии курсантов» [там же, с. 552].

В эти же дни (27 ноября, но вероятно, на день ранее, т.к. в ночь с 25 на 26 ноября планировалась операция по ликвидации Крымской группы) арестован и впоследствии расстрелян весь личный состав (несколько десятков человек) симферопольского отделения культпросвета махновской армии. Руководитель (с 11 ноября 1920 г.) всей культурно-просветительской работой в махновской армии в качестве уполномоченного Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев) П. Аршинов вспоминал, что «культурно-просветительский отдел, находившийся в Симферополе, был взят без всяких военных хитростей» [5, с. 209].

В ночь с 25 на 26 ноября в Харькове арестованы 350 человек-участников махновского движения и почти все члены конфедерации «Набат» [37, с. 535], в том числе такие известные анархисты как Волин, Марк Мрачный, Барон Старший, Чарин и др.²²

Все факты свидетельствуют, что к разгрому махновщины приступили обстоятельно, безжалостная борьба велась и с идеологами анархизма, и, непосредственно, с участниками махновского движения. Группу С. Каретникова планировалось блокировать и уничтожить в Крыму, не выпустив за пределы полуострова. К предстоящей операции подключились не только войсковые части, но и органы ВЧК. При этом, судя по документам, у руководителей органов на местах почти не возникало сомнений в ее успехе. Так, в докладе замначальника управления особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов Зонина

заместителю председателя ВЧК В. Менжинскому (не позднее 26 ноября 1920 г.) в пункте третьем (чистка Крыма) указывалось:

«Крым, наверное, удастся очистить — в смысле массовых операций — довольно быстро, по крайней мере, мы так надеемся.

На Перекопе, на железной дороге, по берегу поставят ряд заградительных пунктов, подкрепленных вооруженной силой, и тогда уже никто не просочится оттуда» [37, с. 539].

Подготовка к началу операции по ликвидации махновцев в Крыму хоть и велась достаточно основательно, но все же не избежала несогласованности, отсутствия четкой скоординированности в действиях войсковых соединений Южфронта и, как следствие, — перенос сроков начала операции. В документальном повествовании П. Панасенко о боевом пути 30-й Гвардейской Иркутско-Пинской дивизии есть эпизод, иллюстрирующий вышесказанное: «...нужно было положить конец враждебным вылазкам «повстанческой армии», как называл Махно свое воинство.

В ноябре 1920 г. основная часть этой «армии» располагалась в районе селения Саки Крымского полуострова. Туда были посланы две бригады 30-й дивизии, чтобы пресечь произвол махновцев. Но когда бригады прибыли, то никого из «повстанческой армии» не застали. Незадолго до этого махновцы покинули этот район» [39, с. 59].

Причиной того, что бригады 30-й дивизии не застали махновцев в месте их дислокации, стало не опоздание (они прибыли к намеченному месту точно в срок по приказу), а то, что сам приказ уже запаздывал, что с досадой констатировал М. Фрунзе 27 ноября, не скрывая упрека в адрес командарма 4-й армии В.Лазаревича:

«Мне непонятно, почему вы отложили операцию на утро 27 ноября, как это следовало сделать согласно моему приказанию в ночь с 25 на 26 ноября. Приказываю действовать со всей решительностью и беспощадностью» [43, с. 456].

На следующий день, как бы подстегивая командование к решительным действиям, командующий южфронтом посылает телеграмму в адрес РВС 4-й армии: «Реввоенсовет Южфронта призывает всех главарей банд, уже захваченных нами или которые будут захвачены, немедленно, без всяких исключений, не передавая трибуналу, расстреливать» [37, с. 541].

²² «В Харькове ловля анархистов приняла характер, который вряд ли знала Россия в прошлые годы. На квартирах всех местных анархистов были устроены засады. В книжном магазине «Вольное братство» всякого, приходившего в него за покупкой книг, неожиданно хватили и отправляли в Че-ка. Хватили лиц, которые останавливались и читали выпущенную (легально) и наклеенную на стену анархическую газету «Набат» [5, с. 208].

В целом же, действия войск Красной Армии по уничтожению махновских частей в Крыму получила неудовлетворительную оценку со стороны высших партийных и советских органов Украины, о чем свидетельствует шифротелеграмма №244/с от 30 ноября 1920 г. председателю СНК Украины Х. Раковского председателю Реввоенсовета Республики Л. Троцкому:

«...Военные органы проявили полное незнание противника, вялость и отсутствие предусмотрительности. В результате всего, махновская группа, находящаяся в Крыму, вырвалась, несмотря на то, что она была окружена и, по всей вероятности, соединится с группой самого Махно, который ушел из Гуляй-Поля без больших потерь» [там же, с. 542].

После отъезда С. Каретника и П. Гавриленко командование над Крымской группой принял командир конного полка А. Марченко, а начальником штаба стал Е. Тарановский²³. О приказе М. Фрунзе №00181 от 26 ноября, предписывающим уничтожение махновской армии в целом, и, соответственно, Крымской группы, им было неизвестно. Однако не могло остаться без внимания усиление концентрации красноармейских частей в районе расположения махновцев в Крыму. К 26 ноября Крымская группа находилась в плотном кольце, окруженная соединениями красных войск. В создавшейся ситуации было принято решение пробиваться из Крыма и идти на соединение с частями Повстанческой армии в Гуляй-Поле. В ночь с 26 на 27 ноября махновцы, сосредоточившись в районе села Булганак, устремились в прорыв, т.е. за несколько часов до начала операции частей 4-й армии, командарм которой В. Лазаревич приказал приступить к ликвидации Крымской группы с утра 27 ноября. В некоторых исследованиях, посвященных описываемым событиям, приводится факт, что кто-то из красноармейцев предупредил махновцев о начале планируемой против них операции. Вероятность этого весьма высока, т.к. Крымская группа снялась с места настолько поспешно, что об уходе не были предупреждены мелкие группы её бойцов, находившиеся на достаточно приличном отдалении от штаба, — на побережье. В ранее цитируемых воспоминаниях Мигздыня приводятся отдельные подробности ухода махновцев:

«Как это происходило с махновцами по соседству с 5-м полком. Махновцы поспешно выехали из села, и только спустя 2–3 часа стало известно о начале войны и предписании их ликвидации (автор воспоминаний утверждает, что красным частям и, в том числе, латышской дивизии, не были вовремя доведены приказы М. Фрунзе и В. Лазаревича о начале операции против Крымской группы. — В.К.). Бегство махновцев из с. Михайловка было столь поспешным, что они не успели снять свои посты на берегу моря. Те, не дождавшись смены, приходили в село узнавать, почему нет смены. Они были задержаны 5-м полком в количестве около 50 человек» [4, л. 6].

Следование и выход Крымской группы за пределы полуострова в различных документальных источниках трактуется неоднозначно. Выделяется ряд причин, благодаря которым махновцам удалось вырваться из Крыма: быстрота и решительность в действиях лучшего соединения армии Н. Махно в сочетании с умелым командованием, осуществлявшимся А. Марченко и Е. Тарановским; нежелание подразделений Красной Армии вступать в боестолкновение, чреватые серьезными потерями, после завершения боев с армией Врангеля и наступившего мира; усталостью красноармейских частей; стремлением ряда красных соединений, участвующих вместе с махновцами в боях с врангелевской армией избежать вооруженного столкновения, т.к. бойцов Крымской группы они по-прежнему воспринимали как союзников в борьбе с белогвардейцами, соратников по оружию и, о чем уже говорилось — слабая организация в проведении операции со стороны красного командования. Видимо, следует учитывать наличие всех перечисленных факторов. При этом следует также признать, что движение Крымской группы к Перекопу сопровождалось и боями, и потерями, и проходило по территории, насыщенной войсками противника, всё, что подпадает под принятое в военной науке определение — анабасис (анабазис).

Начало прорыва у ряда авторов представляется, как правило, довольно красочно, с непременным описанием одновременного открытия огня из 200 (порою приводится и большая цифра) пулеметов, деморализовавшего окружавшие махновцев красные части. Приведём строки из книги «Дороги Нестора Махно»:

²³ Тарановский Ефим (1888–1921). Из крестьян села Васильевки Большеянисольской волости, Мариупольского уезда. Анархист с 1917 г. Член Военно-революционного Совета махновской армии в ноябре-декабре 1919 г. В 1920-начале 1921 гг. — член штаба махновской армии. С 25.11.1920 г. — начальник штаба Крымской группы войск. С июня 1921 г. — начальник штаба Повстанческой армии. Погиб в августе 1921 г.

«Рассыпав пулеметы по линии обороны, повстанцы, дабы красным дивизиям показать силу сопротивления, дали в воздух салют из всех пулеметов. Красные войска были деморализованы и по фронту прорыва, не оказав сопротивления, сдались в плен. Только здесь, прочитав приказы Фрунзе, повстанцы оценили свое положение. Но выбор был сделан. Оставив пленных у города, Крымская группа форсированным маршем поднимается к Перекопу, чтобы выйти на простор» [6, с. 553].

Насколько были деморализованы красные залпом из пулеметов, или они попросту не желали вступать в бой и сдались в плен, будучи осведомленными о достаточно гуманном отношении махновцев к пленным²⁴, сейчас судить трудно. Обращает на себя внимание то, что пленные не подвергались никаким репрессивным мерам и были оставлены на месте пленения, а Крымская группа двинулась дальше. Это было продиктовано не столько гуманными соображениями, а сложившейся ситуацией — все решала быстрота действий, чего никак нельзя было достичь, продолжая движение с колоннами пеших пленных красноармейцев. Не было им места и на тачанках пулеметного полка Ф. Кожина. Судя по тому, что из Крыма вышло порядка 2000 бойцов Крымской группы, в ее состав по пути продвижения никто из плененных не был вошел. Маловероятно, что в сложившихся условиях махновцы пытались бы включить в свои подразделения пленных красноармейцев, т.к. это привело бы к потере мобильности. Надо полагать, не было и добровольцев — вряд ли бывших красных бойцов могла прельстить перспектива участия в рейде, исход которого, откровенно говоря, не внушал оптимизма. Очевидно, не было и необходимости применять к ним меры принуждения, насилия. Впоследствии, после соединения с Махно, Марченко клялся своим соратникам, что по пути из Крыма по его приказу не было расстреляно ни одного человека.

На рассвете 27 ноября Крымская группа двинулась в северо-восточном направлении. На пути следования ее поджидала 9-я кавдивизия. Но боя не происходит. Дивизия отказывается атаковать махновцев. Более того, начинается братание

между соединениями [9, с. 40–42], позволившее махновцам беспрепятственно двигаться дальше. Во время описываемых событий неприятие боя с махновцами со стороны красных частей происходит не единожды. В советский период причины пассивности красных частей объяснялись неожиданностью начавшихся столкновений в Крыму с махновцами, в силу чего их личный состав оказался недостаточно подготовленным в политическом отношении (?!):

«Вследствие быстроты и неожиданности развернувшихся событий и неподготовленности ввиду этого в политическом отношении красноармейского состава, начало было неудачным. Красноармейцы, не разбиравшиеся в анархо-бандитских идеях...не проявили достаточной твердости и упорства в борьбе с тем, с кем они еще несколько дней назад шли рука об руку» [7, с. 92].

Впрочем, не все так удачно складывалось для Крымской группы. В обзоре пом.начальника оперативного отдела штаба войск Украины В. Смирнова «Наши трофеи и потери Махно в боях с 27 ноября 1920 г. по 29 января 1921 г. включительно» указывается, что днем 27 ноября махновцам уже пришлось «пробиваться через расположение 7-й кавдивизии у Новые Лезы» (в настоящее время с. Межгорное Симферопольского района), и при этом была «захвачена в плен большая часть 2-й кавбригады» [12, с. 562]. Несомненно, здесь без боя не обошлось, хотя о степени его напряженности ничего не говорится. Версия о том, что 7-я кавдивизия имитировала бой, все же не имеет достаточно убедительных подтверждений. В статье Н. Ефимова, начальника штаба 42-й дивизии, принимавшей участие в разгроме Крымской группы, «Действия против Махно с января 1920 г. по январь 1921 г.», написанной в 1921 г., автор, исключая неоднозначность пишет:

«По дороге, встретив 7-ю кавдивизию, махновцы ее разбили и свободно прошли к деревне Джума-Аблам» [23, с. 213].

Появление махновцев у Джума-Аблам (ныне с. Трактовое Красногвардейского района) указывает на выбор махновцами кратчайшего маршрута в направлении к Перекопу. Их преследовал 3-й конный корпус Каширина и части 52-й дивизи

²⁴ П. Аршинов свидетельствовал: «Пленных красноармейцев тотчас же отпускали, советуя им ехать на родину и не служить в руках власти орудием угнетения народа. Но ввиду того, что махновцы тут же двигались дальше, все отпущенные пленные через 5–6 дней вновь оказывались в своих частях. Советвласть организовывала особые комиссии, которые специально занимались сбором отпущенных махновцами красноармейцев» [5, с. 210]. В большинстве случаев все происходило именно подобным образом. Нельзя не отметить, что часть пленных переходила на сторону Н. Махно и начинала воевать в составе Повстанческой армии. Иногда имели место и расправы над красноармейцами, а командный состав и комиссары расстреливались.

зии [там же, с. 214]. К исходу 27 ноября Крымская группа прошла уже более 80 километров. В 23 часа этого дня повстанцы атакуют и принуждают к отступлению преследовавшую их 5-ю кавалерийскую дивизию у селения Айбар (ныне с. Войково Первомайского района) [6, с. 554].

В приказе М.Фрунзе от 27 ноября отмечено:

«По донесению командарма 6, махновский отряд Каретникова в составе пулеметного и конного полков проскочил через заградительную цепь наших войск и движется в направлении Перекопа» [43, с. 457–458].

Приказ подтверждает, что Крымская группа по-прежнему состоит все из тех же соединений, которые уходили в прорыв, т.е. не было никаких присоединений и увеличения ее численности в течение 27 ноября. Не было их и впоследствии. 28 ноября в районе железнодорожной станции Воинка (примерно в 40 км севернее с. Войково) вновь происходит столкновение с красными частями. И вновь часть красных подразделений попадает в плен. Пленение красноармейских частей в районе ст. Воинка четко обозначено в обзоре В. Смирнова: «Продолжая движение на север, махновцы после ряда боев в течение дня и вечера 28 ноября, во время которых ими захвачены часть 155 бригады 52-й дивизии и батальон 4-го Латышского полка...» [12, с. 562].

Как и в предыдущих случаях, пленные были оставлены, а группа С. Каретника (после 25 ноября ее правильнее было бы называть группой А. Марченко), продолжила движение к Перекопу. Пройдя более 15 км от ст. Воинка, махновцы в районе станции Юшунь наталкиваются на части 1-й стрелковой дивизии. Боя не происходит — махновцы обошли позиции дивизии с северо-востока:

«...повстанцы вышли к ст.Юшунь (ныне Ишунь — В.К.), где встретились с 1-й стрелковой дивизией и, пройдя между озерами, вышли к Литовскому полуострову, имея целью выйти из Крыма тем же путем, что и вошли в него. Но в Сиваше оказалось много воды, что помешало переправиться через него вброд. Поэтому часть повстанцев решила переправиться через Сиваш вброд, а основная группа направилась к Перекопу» [6, с. 554]. К двум часам ночи, как сообщает В. Белаш, подойдя к Перекопу, махновцы, предъявив армейский пропуск (можно только догадываться, каким путем они его получили — не исключено, что от красноармейцев-соратников в боях с белыми в период Перекопско-Чонгарской операции), вышли за пределы Крыма

и, сбив по пути заставу 1-й стрелковой дивизии [6, с. 554], направились к деревне Строгановка. Здесь они соединились с отрядом, перешедшим Сиваш вброд. Таким образом, 29 ноября Крымская группа вновь оказалась в том же районе, откуда начала свои боевые действия в Крыму, переправившись через Сиваш в ночь с 8 на 9 ноября. В обзоре В. Смирнова указана численность вышедшей махновской группы:

«Из Крыма отряд Каретникова выходит в составе примерно 1000 сабель, 300 тачанок с пехотой и пулеметами...» [12, с. 562].

Учитывая, что на тачанках находилось обычно 3–4 человека, то общая численность соединения при выходе из Крыма составляла 2000–2200 человек. Перед Перекопско-Чонгарской операцией под началом С. Каретника было около 4500 человек. Даже принимая во внимание потери Крымской группы во время форсирования Сиваша, боев на Литовском полуострове и у Карповой Балки, которые исчислялись сотнями погибших, но все же не превышали 1000 человек, следует признать, что выход из Крыма стоил махновцам не менее 1300–1500 человек. Отмеченные потери — лишнее свидетельство того, что проход Крымской группы с юга на север полуострова — не просто боевой рейд по тылам красных, а сопровождавшийся значительными потерями прорыв, проведенный стремительно и во многом неожиданно для противника. Подобное было под силу лишь высокоорганизованному соединению, обладавшему отличной боевой выучкой, а никак не пьяной бандитской ватаге.

От Строгановки Крымская группа направилась в северо-восточном направлении и в течение дня, имея незначительные столкновения с красными частями, достигла села Агайман (примерно в 25 км северо-восточнее с. Аскания-Нова), где остановилась на ночевку. С утра 30 ноября, пройдя около 20 км на север «...атаковала в с. Нижние Сергозы кавполк сводной дивизии курсантов и выбила его из селения, освободив дорогу на северо-восток» [6, с. 554]. На следующий день махновцы занимают деревню Тимошевку (примерно в 30 км севернее Мелитополя), где захватывают в плен 370 полк 42 дивизии [12, с. 562]. И вновь, как и ранее, ни о переходе пленных на сторону махновцев, ни о каких массовых расправах над нами в документальных материалах речи не идет. Окончательно ликвидировать Крымскую группу было приказано частям Первой Конной армии. Ход операции описан в ряде источников, в т.ч. и в мемуарах С. Буденного:

«Накануне мы получили неприятное известие, свидетельствовавшее о нашей беспечности (а может и хуже) и о силе бандитов. Каретников внезапным налетом занял населенный пункт Тимошевку, взял в плен и разоружил находившийся там стрелковый полк 42 дивизии (командовал «бандитами» при занятии Тимошевки А. Марченко, а не С.Каретников, расстрелянный несколько дней ранее в Мелитополе. — В.К.). Вооружен, прочитав донесение, помрачнел.

— Чушь, в чем дело? — сказал он. — Как-то банда взяла в плен полк регулярной армии. Непонятно, как это могло быть!» [10, с. 165].

Против Крымской группы была направлена 4-я кавалерийская дивизия, командиром которой был в то время С. Тимошенко, в дальнейшем один из крупнейших советских полководцев, Маршал Советского Союза, нарком обороны СССР, командовавший рядом фронтов в годы Великой Отечественной войны. Значительный перевес в силах был на стороне красных, к тому же, потерявшая в ноябрьских боях более половины состава Крымская группа после 4-х дневного рейда испытывала усталость. Несмотря на это, бой 1 декабря, длившийся весь день, отличался крайней ожесточенностью.

Как вспоминал С. Буденный: «Начдив решил окружить бандитов и уничтожить их, освободив из плена упомянутый выше полк. С этой целью 3-ю кавбригаду он оставил в с. М. Белозерка (село на северо-западе от Тимошевки), а 1-ю и 2-ю двинул в обход Тимошевки к Михайловке» (село на северо-востоке от Тимошевки) [там же, с. 169]. Далее С. Буденный описывает ход боя:

«Махновцы оказывали ожесточенное сопротивление, стремясь любой ценой удержать за собой Тимошевку — важный в тактическом отношении населенный пункт. При поддержке сильного пулеметного огня, бандиты неоднократно переходили в контратаки. Наконец их упорство было сломлено. Они отошли на южную окраину Михайловки. С запада по ним ударила 3-я кавбригада... Они бросились на северо-запад, но здесь их встретили огнем эскадроны 1-й и 2-й кавбригад. Тогда бандиты повернули к югу, но и тут не прошли. Банда была разгромлена» [там же, с. 169].

Подробности боя 1 декабря сообщены С. Буденному в трех донесениях начдива С. Тимошенко. В первом сообщается, что бой начался в 9 часов утра и только к 11 часам махновцы были выбиты из Тимошевки, но к 12 часам в ходе контратаки они вновь захватили южную окраину села.

Отмечено, что быстрой ликвидации банды мешает обилие у нее пулеметов на хороших лошадях. [25, с. 101]. Во втором донесении, отправленном в 16.00, указывается, что перелом в бою еще не наступил, хотя отбита атака махновцев на Михайловку. Донесение заканчивается словами: «Окончательные результаты боя еще неизвестны» [там же, с. 101].

Об окончательном разгроме махновцев доложено в телеграмме, отправленной в 17 час. 35 мин., начинающейся со слов: «Частями 4-й дивизии банды Махно разбиты...» [там же, с. 102].

В уже цитируемом ранее обзоре начальника оперотдела штаба войск Украины В.Смирнова подводятся итоги операции:

«Встреченный частями 1-й Конной Армии, Махно после упорных боев, во время которых у противника отбивается 370 полк, захватывается 4 орудия, почти весь обоз, до 200 пулеметов, 700 лошадей, 800 пленных и 17 000 винтпатронов и уничтожается свыше 800 бандитов (отряд Каретникова двумя группами — меньшая двести сабель и большая триста сабель, обе с тачанками и пулеметами — прорывается через желдорогу в одной версте севернее ст. Федоровка).

Первая группа, встреченная частями Сводной дивизии у Лукичева, 2 декабря полностью уничтожается...» [12, с. 562].

Сведения, представленные в обзоре, подтверждают приведенный ранее расчет о численности Крымской группы при выходе из Крыма немногим более 2000 человек — 800 убитых, 800 пленных и две прорвавшиеся группы общим числом 500 человек.

Обе группы махновцев прорываются недалеко от ст. Федоровка, т.е. в том же районе, где был уничтожен шедший на соединение с Махно отряд Петренко, и шел он в Гуляй-Поле примерно тем же маршрутом, что и группа Марченко. Однако нельзя исключать, что в процитированных ранее показаниях Задова речь шла всё же о разгроме группы Марченко, а пехотная группа Петренко понесла настолько тяжёлые потери, что её оставшаяся незначительная часть после боёв в Крыму распалась на разрозненные мелкие группы, которые просачивались на территорию, контролируемую Махно. Во всяком случае, о столкновениях с ней красноармейских соединений ни в донесениях советских командиров, ни у начштаба В. Белаша ничего не сообщается. Одна из прорвавшихся групп, как отмечается в обзоре, уничтожается Сводной дивизией, а другой пред-

стояло еще 6 дней пути, прежде чем она соединилась с Махно. Выбитые из Гуляй-Поля повстанцы во главе со своим атаманом к тому времени находились в селе Старый Керменчик (примерно в 30 км восточнее Гуляй-Поля). Практически полное уничтожение состава Крымской группы — самого элитного соединения махновской армии — не только печальный финал Крымской эпопеи махновцев, но и начало широкомащтабного процесса ликвидации махновского движения. В «Тезисах ЦК КП (б) Украины «О махновщине и ее ликвидации», опубликованным 24 декабря 1920 г., среди причин идеологического и политического характера, вынудивших большевистское руководство приступить к ликвидации махновщины, отмечается и следующее:

«И хотя роль махновских частей в непосредственной борьбе с Врангелем была незначительной, самое освобождение от них нашего тыла облегчило Красной армии задачи ликвидации Врангеля...» Невыполнение махновцами условий политического и военного соглашения закончилось открытым вооруженным выступлением махновских частей против Советской власти, и потому повело к решительной и окончательной ликвидации махновского нарыва на теле Советской Украины» [37, с. 571].

При составлении тезисов, видимо, как-то забылось, что в отношении политических договоренностей, например, того же Старобельского соглашения, не был подписан 4-й пункт, фак-

тически ради которого махновцы и пошли на заключение союза с красными. Что касается военного соглашения, то при всех имевшихся претензиях к махновцам, военные действия против своих недавних союзников инициировало все же красное командование. Повод был найден, а суть вопроса уже не имела никакого значения.

Противоположную изложенной в «Тезисах» трактовку событий дали анархистские организации Германии, Франции, федерация Российских Рабочих Организаций в Южной Америке, опубликованную в ноябре 1922 г. Вот эти строки из «Обращения анархистов и синдикалистов к трудящимся всех стран»:

«Коммунистическая власть, как и всякая власть, враждебная по своей природе началу свободы и независимости, выраженному в махновщине, не смогла, конечно, долго держать союз с этим движением. Как только опасность со стороны Врангеля миновала, она изменнически напала на махновцев, стремясь убить это движение силою многочисленных своих армий» [2, с. 321].

V. Заключение

Все, что осталось от Крымской группы С. Каретника после боя в районе с. Тимошевки — небольшой конный отряд, сумевший пробиться к Н. Махно, уничтожая или обходя по пути следования расставленные заслоны. О том, как происходила встреча, рассказал в «Истории махновского движения» П. Аршинов:

«Соединение произошло в греческом местечке Керменчик. Слух о прорыве из Крыма махновской армии носился уже несколько дней. Наконец, 7 декабря, прибыл гонец с известием, что через несколько часов прибдет группа Марченко. С волнением махновцы, находившиеся в Керменчике, вышли встречать героев на окраину села. Но когда в отдалении увидели двигавшуюся конную группу — сердце у всех сжалось. Вместо могучей конницы в 1500 человек, возвращался небольшой отряд в 250 человек. Подъехали передовые части во главе с Марченко и Тарановским.

«Имею честь доложить — крымская группа вернулась» — заговорил с легкой иронией Марченко. Все улыбнулись. «Да, братики, — продолжил Марченко, — вот теперь-то мы знаем, что такое коммунисты.» Но Махно был угрюм. Вид разбитой, почти уничтоженной конницы, сильно потряс его. Он молчал, стремясь удержать волнение» [5, с. 209].

Памятник на месте гибели Ф. Лабренциса. 1987 г.
Скульптор Л. В. Крестовский

Можно только предполагать, о чем в те минуты думал Махно. Возможно, испытывал чувство вины за гибель лучшего соединения своей армии?! Не будь Старобельского соглашения, принятого во многом по его инициативе и, как следствие, его же приказа о формировании Крымской группы и направлении ее в Крым, скорее всего, большинство бойцов, находившихся под командованием С. Каретника, были бы живы? Может быть, во всей обнажающей откровенности к нему пришло осознание ошибочности замысла о создании автономной крестьянской республики на основах анархо-коммунизма и понимание того, что завершилось время махновского движения, и крах его уже близок?! Как бы то ни было, но со всей очевидностью становилось ясно — в новой

наступающей исторической эпохе махновщине места не было.

Как бы не относиться к махновскому движению, но без объективного описания его истории невозможно представить во всей полноте и многогранности историю Гражданской войны. Махновщина — органическая составляющая эпохи величайших революционных потрясений. Участие Крымской группы армии Н. И. Махно в боевых действиях против армии П. Врангеля, а затем и против недавнего союзника — Красной Армии — во многом символично. Трагический финал крымской эпопеи махновцев словно в миниатюре отражает судьбу махновского движения, обреченного на поражение, участники которого вели борьбу до последней возможности.

1. Азаров В. В. Старобельское соглашение. — Одесса: ДП «Набат», 2011 — 228 с.
2. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 г.г. В 2 т.т./Т.2. 1917–1935 г.г. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 592 с.
3. Анисимов Н. Л. Слуга анархии и порядка // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. — с. 69–76.
4. Архив Евпаторийского краеведческого музея // Мигздынь. О смерти Лабренца (рукопись), 1958. — Л. 1–7.
5. Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921 г.г.) — М.: Вече, 2018. — 288 с.
6. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. — Киев.: РВЦ «Проза», 1993. — 632 с.
7. Белый П. Ф., Дышлевой П. С. Единство действий в защиту завоеваний революции : Боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920–1921 гг.). — Киев: «Вища школа», 1988. — 153 с.
8. Беспечный Т. А., Букреева Т. Т. Правда и легенды о Махно. — Донецк: «Донеччина», 1996. — 288 с.
9. Боевой путь 9-й Крымской кавалерийской им. Совнаркома УССР (1918–1928 гг.) : ко дню десятилетия РККА — Гайсин (б.н.), 1928. — 56 с.
10. Буденный С.М. Пройденный путь. Книга третья. — М.: Воениздат, 1973. — 408 с.
11. В Крыму после Врангеля (рассказ очевидца) // Крымский архив. 1996. №2. — с. 59–63.
12. Внутренние войска Советской Республики. 1917–1922. Документы и материалы. — М.: «Юридическая литература», 1972. — 709 с.
13. Вольпе А. Преследование в Гражданской войне // Гражданская война 1918–1921. В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Том второй : Военное искусство Красной Армии. — М.: Из-во «Военный вестник», 1928. — с. 233–259.
14. Волковинский В.Н. Махно и его крах. — М. : Из-во ВЗПИ, 1991. — 247 с.
15. Врангелевщина // Красный архив. — 1930. т. 40, 1930. — с. 3–40.
16. Герасименко К. В. Махно // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М.: «Отчество», 1991. — с. 212–254.
17. Голубев А. В. Перекопско-Чонгарская операция // Перекоп и Чонгар. — М.: Государственное военное издательство, 1993. — с. 42–63.
18. Гражданская война на Украине 1918–1920. Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Т. 3, март-ноябрь 1920 г. — Киев : «Наукова думка», 1967. — 911 с.
19. Гусев С. И. Уроки гражданской войны. — М.: Госиздат, 1921. — 46 с.
20. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции, издаваемый И.В.Гессеном. — Берлин, 1925. Т. XVI. — с. 162–232.
21. Душенькин В. В. Вторая конная. Военно-исторический очерк. — М. : Воениздат, 1968. — 216 с.
22. Ерохин И. Ю. Казачье-крестьянская республика Н. Махно: К вопросам казачьей государственности // Перспективы Науки и Образования. 2013. №3. — с. 168–176.
23. Ефимов Н. А. Действия против Махно с января 1920 г. по январь 1921 г. // Сборник Военно-Научного Общества при Военной Академии РККА. Книга 1. — М, 1921. — с. 192–222.
24. Звегинцов В. Н. Кавалергарды в Великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. — Париж. : Военно-историческое издательство «Танаис». — 206 с.

25. Из боевой деятельности тов. Тимошенко в годы гражданской войны в СССР // Красный архив. ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. №1 (104). — с. 54–103.
26. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. — СПб. : Полигон, 2002. — 672 с.
27. Кок А. Взятие Перекопско-Юшуньских позиций восками 6-й армии в ноябре 1920 г. // Крымский архив. 2001. №7. — с. 59–73.
28. Косоков И. Тактика крупных конных масс в эпоху гражданской войны. // Гражданская война 1918–1921. Т. 2. Военное искусство Красной Армии. — М. Военный вестник, 1928. — с.159–181.
29. Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. и пребывание его на чужбине. Эвакуация Ялты // Морские записки, издаваемые Обществом офицеров Российского Императорского флота в Америке. — Нью-Йорк, 1956. — Т. XIV. №1. — с. 42–46.
30. Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. — Ленинград. : Прибой, 1926. — 230 с.
31. Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 годах. Воспоминания и документы. Рига. : Из-во Академии Наук Латвийской ССР, 1962. — 528 с.
32. Лебедь Д. Итоги и уроки трех лет анархомахновщины. — Харьков. : Всеукраинское государственное издательство, 1921. — 55 с.
33. Ликвидация Врангеля (По воспоминаниям бывших командиров и бойцов 15-й дивизии, бывшего начальника штаба 51-й дивизии И. Датука) // Перекоп : сборник воспоминаний. — М. : ОГИЗ: Л-д. : Государственное социально-экономическое издательство, 1941. — с. 238–249.
34. Материалы для истории Корниловского Ударного полка / Сост. М.Н.Левитов. — Париж, 1974. — 669 с.
35. Махно Н. Воспоминания. Русская революция на Украине. (От марта 1917 г. по апрель 1918 г.) Книга 1. — Париж, 1929. — 214 с.
36. Миронов Ф. Тихий Дон в 1917–1921 г.г. Документы и материалы. — М. : М. Ф. «Демократия», 1997. — 792 с.
37. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921 : Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 1000 с.
38. Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. — Киев. : «Дзвін», 1991. — 192 с.
39. Панасенко П. С. Гвардейская Иркутско-Пинская : Боевой путь гвардейской мотострелковой Иркутско-Пинской орденов Ленина, Октябрьской Революции, трижды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии имени Верховного Совета РСФСР. — М. : Воениздат, 1986. — 174 с.
40. Сапожников А. Л. Крым в 1917–1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков // Крымский архив. 2001. №7. — с. 200–231.
41. Триандафиллов В. К. Ликвидация Врангеля. // Крымский архив. 2001. №7. — с. 74–97.
42. Фрунзе М. В. Памяти Перекопа и Чонгара // Перекоп и Чонгар. — М. : Государственное военное издательство, 1933. — с. 23–33.
43. Фрунзе М. В. На фронтах гражданской войны : Сборник документов / Центральный архив Красной Армии. — М. : Воениздат, 1941. — 470 с.
44. Хмельков А. Пулеметы и кавалерия // Сборник трудов отделения военно-научного общества при академических курсах высшего состава ВККА. 1921–1922. Т.1 — М, 1922. — с.119–127.
45. Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. В трех томах. Т. 1. — Киев. : Наукова думка, 1990. — 592 с.